

Денис Килесов

16+



За Хребтом

Денис Килесов

За Хребтом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Килесов Д. В.

За Хребтом / Д. В. Килесов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-10246-0

На Земле, сожженной войнами сотни лет назад, жизнь осталась лишь на одном полуострове, разделенном надвое горным Хребтом. По разные стороны горной гряды два государства — Республика Кант и Демиругия — ведут непримиримую войну. В тоталитарной Демиругии, как и многих других, арестовывают молодого подпольщика Лемора Свирягина. Неспособный противостоять пыткам заточителей, он во имя спасения своей девушки соглашается на участие в событии, способном переломить ход войны. На пути к мечте подпольщик и не замечает, как сумасшествие затуманивает его разум. Хотя, возможно, это весь остальной мир сошел с ума? Мир, оставшийся там... За Хребтом.

ISBN 978-5-532-10246-0

© Килесов Д. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава I	5
Глава II	18
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Килесов

За Хребтом

Глава I

Знаете, как арестовывают людей в Демиругии? Пока вся страна спит, не смея выйти на улицы во время комендантского часа, служители Надзора Над Общественностью (ННО) тихо и без свидетелей забирают нужного им человека. Никаких обвинений, приговоров и расследований. Если за тобой пришли, то никто никогда не узнает, в какой момент тень подозрений закрыла свет будущего над твоей головой. Возможно, еще вчера власти не догадывались о твоих темных делах. А может, тайные соглядатаи уже несколько месяцев живут с тобой рядом и выявляют соучастников. Человек исчезает мгновенно. Причем не только из собственной квартиры, в которой на ночь были закрыты все замки, но и из воспоминаний других людей, письменных и сетевых источников. Утром уже нет твоего личного дела. Твои близкие либо взяты той же ночью, либо напрочь забыли о тебе, подчиняясь приказу. Но этого ты никогда не узнаешь. Ведь тебя больше не существует, вся информация старательно подчищена из всех баз данных, уточнена и скорректирована. Личность навсегда стерта из книги Истории, как ненужный и совершенно лишний факт.

Парень двадцати трех лет, с двухдневной щетиной сидел в глубине темной комнаты на жестком деревянном стуле и курил. Свет он включить не посмел, поэтому то потухающий, то вновь разгорающийся от вдоха красный огонек сигареты светился кроваво-красной злобой и бессильной обидой. За открытым окном моросил мелкий дождь, будто говоря: «На улице тебе делать нечего, гораздо разумнее остаться в своей безопасной квартире». Разумно, ведь выходить из дома ночью, не имея при себе жетона особых полномочий, было нельзя. Попробовать, конечно, можно. Но после того как темные, не имеющие за ненадобностью освещения улицы липким мраком поглотят смельчака, о нем можно будет забыть. Подтверждающий это приказ получит наутро каждый родственник и друг этого человека по электронной почте. Но эта ночь особенная. Несомненно, именно эта. Сегодня хозяином маленькой квартирки были розданы последние листовки, подпольная типография Конторы закрыта на кодовый замок, а пистолет разобран и вшит в двухслойный плащ. Если его личность находится под наблюдением Надзора, а этому уже было пара косвенных доказательств, сегодня самое время стереть его со страниц биографии.

Красная точка, не видная с улицы, вспыхнула в свой последний миг жизни и потухла, пустив облачко дыма напоследок. За стеной, в общем коридоре послышалось легкое, практически неразличимое на фоне уличной мороси шуршание подошв. А может, это и показалось воспаленному от напряжения слуху парня. Он встал, еще раз затоптал брошенную на пол сигарету и кинул взгляд на наручный хронометр. Половина первого, а значит, самое время для ухода. Достав пластиковый квадрат удостоверения личности с маленькой фотографией в уголке, он небрежно бросил его на пол. Больше эта вещица ему понадобится не могла. На задней стороне был выведен герб Демиругии, а на другой – напечатанными на машинке буквами имя: Лемор Свириягин. А рядом должность: работник Управления Коммуникацией и Связью.

Натянув шляпу с широкими полями на голову, ночной беглец осторожно перелез через подоконник, задвинул окно и тихо ступил на пожарную лестницу. Невесомая, она покачивалась при каждом движении, заставляя спускающегося по ней человека судорожно хвататься за тонкие перила. Один раз расшатанная ступенька громко скрипнула, и Лем несколько минут стоял, замерев, вслушиваясь в черную взвесь пронизывающего ночного воздуха. Но полицаев Надзора так и не было слышно. Преодолев пять этажей, он спустился на землю и свернул в

переулок, опасаясь ночных патрулей. Хотя официально улицы не патрулировались ночью, но слухи об этом ходили, а рисковать своей жизнью ради комфорта перемещения сейчас было бы очень опрометчиво. Обойдя соседний дом, Лем выглянул из-за угла здания, перед этим убедившись в том, что никто не заметит его. В окне, через которое он полчаса назад покинул квартиру, замелькали огни переносных фонарей, освещая несколько темных силуэтов.

«Я был прав, – подумал Лем и довольно хмыкнул, – интересно, удавалось ли еще кому-либо перехитрить Надзор? Ладно, кажется, здесь оставаться нет более никакого смысла. Вернусь, когда все уляжется».

Он повернулся и зашагал по главной улице, прижимаясь к фасадам домов. За его спиной осталась квартира, в которую он уже никогда не вернется.

* * *

Ориентироваться в непроглядной тьме наощупь в немаленьком городе – очень опасная и трудная затея. Стоило кому-то увидеть из окна силуэт таящегося человека, этот кто-то немедленно бы написал электронную записку властям, и его бы незамедлительно обнаружили. Два раза Лем наткнулся на плакаты собственной печати. На желтом фоне несколько одинаковых человек стаскивали с трона солдата со страшной рожой. «ДОЛОЙ ВОЙНУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ», – гласил, нет, кричал вызывающе-красный лозунг. Все Руководители незаконной революционной организации под названием «Контора» долго думали, как же назвать эту войну. С одной стороны, все официальные источники не содержали информации о дате ее начала. Везде говорилось лишь о том, что «Демиругия находится в метре от победы, подрастающее сейчас поколение поведет своих детей в мир без войн, голода и болезней». С другой – нет ни одного живого человека, который бы имел даже прапрадедушек, рассказывавших о начале военного конфликта Демиругии и республики Кант. Так что, немного обобщив, было принято решение назвать эту бесконечную войну Войной Тысячелетия. Вот только положение дел не менялось уже много лет. Войска находятся вне зоны досягаемости артиллерийских расчетов кантийцев, за горным Хребтом, разделяющим полуостров надвое. Конфликт давно перерос в мелкие оппозиционные стычки. Беспилотные аппараты врага регулярно сбиваются над гарнизонами Демиругии, а улетающие на разведку в Кант самолеты практически не возвращаются обратно. В сухом остатке о вражеской стране не имеется хоть насколько-то достоверной информации. Лишь старые довоенные архивы, весьма туманно пояснявшие причину конфликта.

Мелкий морозящий дождь, не особо тревоживший до этого, перерос в надоедливый унылый ливень. Ветер заунывно выл, огибая потоки воды, срывающиеся с неба на черный город. Они будто пытались смыть всю несвободу и несправедливость оставшегося в живых мира. Но этого не смыть обычной водой, ведь даже огонь оказался бессильным против человеческой сути, сам человек не способен изменить себя. Непонятно, что именно для этого нужно, то ли эволюция нашего сознания, то ли насильная революция. Время покажет. Эпохи отцветут и сорвутся с дерева мира, как осенние листья, и время все расставит по своим местам.

Плащ Лема стал настолько мокрым снаружи, что в нем бы отражался каждый фонарь, если бы таковые были на улицах. Но повсюду вновь властвовала густая тьма. Дома бездонными черными глазницами таращились на мутную фигуру революционера, не выхватывая его образ из однообразной картины холодной демиругийской ночи. С его шляпы маленькими водоппадами стекала дождевая вода, а коричневые туфли тихо хлюпали при каждом шаге, насквозь отсырев по дороге. Лем не мог сейчас просто сбежать, ведь остался еще один человек, который полностью мог зависеть от него. От промокшего до нитки, оставившего собственную квартиру, не пожелавшего принять с мужеством арест подпольщика.

Хронометр показывал два часа ночи, когда Лем добрался до ничем не примечательного подъезда. Ключи от него, конечно же, были, поэтому вскоре единственным препятствием к цели осталась деревянная дверь в типовую квартиру.

А что мне сказать? Какими словами начать разговор, или, может, она сама все поймет, едва увидит меня в таком состоянии, – все эти мысли ураганом пронеслись в голове юноши, когда костяшки пальцев негромко постучали по двери.

Две минуты ничего не происходило, Лемор уже начал подумывать просто подбросить в щель снизу записку и уйти, как скрежетнул один засов, скрипнул второй, откинулась цепочка, и дверь распахнулась. На пороге стояла девушка с распущенными светлыми волосами, переливающимися потоками лежащими на легком халате. Красная прядь волос кокетливо обвивала нежную шею. Лем невольно замер, затаив дыхание, любуясь своей возлюбленной.

– Лем... – испуганный голосок дрожал, как осиновый лист на ветру.

– Азимка. Я... слушай... – но договорить ему не дали. Девушка прыгнула в его объятия, прижавшись всем своим молодым, будто выточенным искусным скульптором, телом. Закрыв входную дверь, она немного отстранилась, всматриваясь в лицо горячо любимого человека. Глаза, бездонные и до неприличия голубые, как два прекрасных сапфира в свете утреннего солнца, наполнились слезами. Две влажные дорожки очертили редкой красоты личико. Слова были излишни, Лем привлек к себе девушку с пронзительным взглядом, и две души слились в единое целое долгим и страстным поцелуем. В нем было все – и переживания друг за друга бесконечными ночами, и горькая тоска разлуки, и доводивший до иступления страх быть раскрытыми и схваченными без предупреждения. Все лишнее и сейчас совершенно ненужное полетело на пол маленькой прихожей. Звякнул металл чего-то в плаще, ударившись о кафель, но этого уже никто не услышал. Пьянящий пожар страсти вспыхнул между двумя душами, сжигая нерешительность, сомнения и переживания, растапливая осторожность, как пламя свечи топит парафин. Двое юных людей с бунтом в душе, революционеры, которым не суждено было сблизиться, были вместе, проникая друг в друга, наслаждаясь каждым пережитым чувством и ощущением. Сразу все отошло на задний план. Никакая война с ее военным диктатом, никакой Надзор, тянущий свои крючковые пальцы в черных перчатках к горлу подпольщиков, ничто не могло потревожить двух влюбленных. Ведь они любили беззаветно и сладко, от такого чувства остаются лишь сладкое послевкусие на губах и огонек задора в душе. Они любили в последний раз, не думая о том, что будет потом. Они наслаждались одним – человеком напротив.

– А ты колючий, – хихикнула Азимка, нежно проводя тыльной стороной ладони по небритой щеке Лема. Их кровать состояла из одного лишь матраса, лежащего на полу. Они грелись под одеялом, скрывшись от предрассветного зябкого холода. Такой холод всегда заползает в жилище, как бы плотно вы не закрывали окна, заставляя прижиматься друг к другу еще крепче. А может, это горечь близкой разлуки?

– Забыл бритву дома, – лукавил парень, поцеловав в лоб девушку, ее голова лежала на его груди и мирно вздымалась в такт дыханию. Никакой бритвы он брать не собирался, потому что знал, от щупалец закона ему не убежать. Хотя надежда была, именно она толкнула его в дождь на улицу в начале этой ночи.

– Азимка, – как можно мягче начал Лем, – это случилось. За мной пришли. Я ухожу, не могу сказать куда, но однозначно далеко и, – горько усмехнулся он, – надолго. У тебя есть время для того, чтобы спрятаться, они, вероятно, придут и за тобой. План отхода ты знаешь. Не называя имен, ты сама помнишь, кто и как каждому из нас его рассказал. Пожалуйста, выжди немного и сразу уходи. Ты понимаешь меня? – он заглянул в ее пронзительные глаза.

– Лем... Лемор, я не хочу. Останемся, нет, сбежим вдвоем. Сейчас! – голос Азимки сорвался на высокие ноты, и она вновь заплакала. – Я же не смогу одна, без тебя. Чем мне заниматься, куда идти?..

– Успокойся! – рявкнул Лемор, – сделаешь, как я сказал. Для тебя это единственный путь.
– А для тебя? – тихий вопрос так и остался висеть в дрожащем утреннем воздухе.

В хмуром молчании оба оделись, не проронив ни единого слова. «Ни к чему лишние слова, я обеспечил ей проход, как мог, теперь надо увести от нее псов Надзора», – думал Лем. «Неужели он больше не любит меня», – пульсировало в голове Азимки. Лем вновь стоял в прихожей в своем длинном мокром плаще, не успевшем высохнуть. Слегка поколебавшись, он протянул девушке аккуратно сложенный листок бумаги, нахлобучил шляпу на голову и, лишь открыв дверь, бросил недовольно через плечо: «Там план отхода и еще кое-что, ознакомься, как я уйду». С этими словами Лем прикрыл дверь и начал спускаться.

Азимка, конечно же, сразу развернула зажатый в кулачке листок. На одной стороне была маленькая карта, полезная для побега. Далее она пробежала глазами ниже, перевернула записку и заскользила взором по немного корявым строчкам. Вдруг рот ее искривился, она прикрыла его своей ладонью, закрыла глаза и медленно сползла спиной по стене на пол. Азимка вся задрожала, стараясь сдерживать всхлипы, и, не сумев, зарыдала, свернувшись клубком на холодном кафеле.

Ей еще никогда не посвящали стихов.

А я навеки молодой,
И от толпы мы в стороне,
И ведь по жизни пьян тобой;
Танцуем вальс мы при луне.

Ты разглядела чудака,
Бегущего за быстрой тенью,
Хотя, как многие, могла
Сократься, хлопнув дверью.

Забыл уж я о давнем дне,
В погоне что я проводил.
Танцуем вальс мы при луне,
Себя от прочих оградив.

Не тяни с отходом. Твой Лемор.

Лем быстрым шагом отходил от подъезда, кутаясь в плащ и поеживаясь при порывах ветра. Повсюду царил серый сумрак, луна практически исчезла за горизонтом. В воздухе витала взвесь из тревоги и страха, как всегда бывает перед ранним утром. Он все сделал правильно, теперь она будет в безопасности. Уверенность в этом то крепла, то разрушалась, как картонный домик от движения воздуха в душе молодого человека. Он задумался, могла ли сложиться их жизнь иначе. Они познакомились на празднике Победы на производственных фронтах. Лем тогда пришел со своей знакомой, рассчитывая познакомиться с ней как можно ближе. Общий друг подвел Азимку к Лему и представил. Вот так, запросто. Можно вечно уповать на судьбу, а твой друг просто возьмет да и познакомит тебя с той, которая займет все твои мысли. Потом понеслись ухаживания, подарки в виде умыкнутых талонов на питание и чувственные послания. Он уже грезил свадьбой, детскими ручонками в маленькой кроватке в их общей квартире, но она вдруг позвала его с собой в подполье. И стало уже не до свадьбы. Оба они состояли на профилактическом учете Надзора за общественностью, так что даже свои отношения пришлось сильно скрывать.

За своими мыслями Лем не заметил силуэт человека, почти слившегося с фасадом дома. А когда заметил, было уже слишком поздно. Стоило ему рвануться, как под плечи грубо ухва-

тили чьи-то руки в черных перчатках, а в рот мгновенно вставили резиновую капу. Силуэт приблизился. Им оказался человек в черном костюме полувоенного вида, он внимательно всмотрелся в лицо Лема, перевел взгляд на фотографию, которую держал в руке, и кивнул кому-то за спиной задержанного. Что-то тяжелое опустилось на затылок разоблаченного, очевидно, подпольщика, и тот потерял сознание.

* * *

Боль налилась мутным пузырем, подтянула за собой тошнотворный комок к горлу и лопнула, брызнув миллиардами заостренных осколков в воспаленной голове. Приоткрытый рот, из которого безвольно вытекала тонкая струйка слюны, судорожно захлопнулся. Все тело Лема неистово болело, будто накануне ему пришлось возводить многоэтажный дом в одиночку. Мысли из роя мелкой мошкары стали стекаться в определенной формы ручей. Окружающий мир начал медленно вторгаться в его сознание. «Для начала надо посмотреть, где я нахожусь», – появилась первая правильная мысль. Вместе с открытием век новая волна боли вновь нахлынула на чугунную голову Лема. Перед его глазами повисла черная пелена с мелькающими яркими искрами. Жутко кружилась голова, и взгляд никак не мог сфокусироваться на чем-то одном. Скорее всего, где-то после ареста ему дали немного химии, иначе бы не было так плохо. «Точно, арест, значит, меня вызовут на допрос», – Надзор не заставляет себя долго ждать.

Решив скоротать время до появления безликого палача, Лем дождался прояснения в глазах и принялся изучать комнату, в которой ему не посчастливилось очутиться. На удивление, обстановка вокруг была вполне домашней. Ковер на полу, стул слева от двери, одноместная заправленная кровать около дальней стены, на которой и очнулся сам Лем, и вешалка справа от двери, прогнувшаяся под тяжестью плаща. На прикроватном столике покоился абсолютно бесполезный массивный граммофон без пластинки.

Естественно, хронометра на руке не было, помещение не имело окон, а биологические часы были сбиты той самой химией. Так что определить, какой в данный момент час, было категорически невозможно. Идиллию безвременья нарушал лишь зудящий плафон под потолком, давящий на мозг своим неприятным постоянным звуком. «Ну что же, осталось только подождать, и начнется карусель «веселья», – с угрюмой ухмылкой сказал в пустоту Лем. Его голос был хриплым и тихим от долгого молчания, так что он прокашлялся. На это, однако, незримые надзиратели никак не отреагировали. Молодой человек тяжело поднялся с кровати, постоял, держась за небольшой деревянный столик, восстанавливая равновесие, и шагнул к стулу. Ноги его мелко затряслись, на лбу тут же выступил холодный пот, и он с размаху опустился вниз. Тяжело дыша, Лем откинулся назад, прислонившись к деревянной спинке, и принялся ждать.

* * *

Утлый кораблик жестоко бросало по волнам. Он то набирал стремительное ускорение, то замирал посреди бушующей стихии. Как он очутился посреди моря, Лему вспоминать было некогда. Главное – это переплыть море, выдержать сумасшедшую качку. Волны высотой с девятиэтажный дом восставали над сжавшимся пятаком пространства и с клокочущей яростью обрушивались вниз. Тяжелые тучи уже не выделялись на фоне неба. Они сами стали им, превратившись в небесную твердь. Молнии разрывали густую тьму. Оглушительный гром рвал ушные перепонки на части. Ветер беспорядочно метался среди стен воды. Ладно, хоть мотор корабля пока работал на полных оборотах. Его жужжание навязчиво продиралось через какофонию шторма, отгесняя вой ветра и практически поглощая раскаты грома. Вот он становится

громче, громче, жужжит прямо над самым ухом, вгрызается в слух и вырывает, наконец, из мучительного забытья.

* * *

Лем очнулся сидящим все на том же стуле. Сильно кружилась голова, а лампа на потолке стала словно громче и, несомненно, назойливей. Она-то его и разбудила. После короткого сна, хотя, возможно, он длился не так уж и мало, легче не стало. Желудок крутило в приступах голода, руки с ногами мелко подрагивали. «Возможно, это от наркотика», – пронеслось в голове Лема.

От долгого сидения в неудобной позе тело затекло. Кровать. Нужно только до нее добраться.

Слегка выгнувшись, Лем позволил себе сползти на ковер. Ноги било уже крупной дрожью, так что идти можно было не пробовать. Помогая себе руками, Лем дополз до маленького деревянного столика. Обхватив его, он рывком приподнялся и повалился на постель, опрокинув свою шаткую опору на землю. Глухо ударившись о поверхность ковра, столик остался лежать, грохота не последовало. Никаких лишних звуков. Лампа невыносимо жужжала, постепенно становясь все громче. Человек на кровати вновь провалился в сон.

* * *

Звук в комнате прибавил децибел и интенсивности. Воспаленные веки Лема открылись, и он вновь пришел в чувство. Его взгляд бессмысленно плыл по стенам, соскальзывал на немногочисленную мебель, вновь перемещался выше и переходил дальше на новый круг. Губы слабо шевелились, силясь выразить то, что пульсирующее сознание пыталось сформулировать. Пот блестящей пленкой покрыл все тело. Реальность то теряла свои границы, увлекая в мир галлюцинаций, то вновь проявлялась, обращая внимание на детали окружения.

«Кажется, мой плащ висел справа от входа. Или нет. Ни за что не вспомню, – отстраненно подумал Лем, – не важно». И его взор вновь продолжил бесконечное путешествие по стенам, полу и потолку. «Решительно ничего не изменилось, тот же стул у двери. Хотя он вроде стоял с другой стороны, да без разницы. Лежащий письменный столик с абсолютно бесполезным... Так, просто стол. Пустой, – Лем привстал и посмотрел на пол, – пустой», – задумчиво протянул он почти шепотом. Сказал и словно бы прислушался к внутренним ощущениям. Почему-то было чувство, будто стал этот треклятый столик каким-то другим. «Перекатился он, что ли?», – смутное беспокойство начало волновать душу, будто он забыл нечто важное. Но что? Лем начал перебирать в памяти все, что ему удалось запомнить с момента первого пробуждения.

«Все так, ничего не поменялось, да и как тут что-то может... Точно! Граммофон, – внезапная догадка вернула некоторую трезвость мышлению, – огромный и бесполезный агрегат без пластинки. Его нет».

Перевернувшись на бок, Лем стал подробнее изучать комнату, но уже по-новому. После нескольких минут он вспомнил, что вешалка была именно справа, а стул слева от двери. Больше вокруг ничего не поменялось. Истощенный голодом и усталостью, он откинулся на подушки, чтобы хорошенько обдумать произошедшее. «Может, это обычный бред, и я схожу с ума. И никак я на это повлиять не смогу, – с полным безразличием подумал Лем, – еще немного, и я окончательно потеряю ощущение реальности происходящего. Наверное, стоит немного восстановить силы и поспать, может, станет лучше», – с этой мыслью он перевернулся на бок и закрыл глаза.

* * *

Что может лучше всего разбудить находящегося на грани голодного безумия человека? Только запах чего-то съедобного. Молекулы, растворенные в воздухе, одна за одной достигают самого чувствительного органа человеческого организма – носа. Слизистая оболочка жадно впитывает новоприбывшие молекулы и короткими нервными импульсами бьет в набат мозгу. Появилась перспектива насыщения. А наше серое вещество, идеальный компьютер, быстро интересуется, нужна ли входящая информация. Пустой желудок истерично вопит, что да, определенно необходима. И тогда Большой Брат начинает всеобщий подъем, пробуждение ото сна с одной лишь целью – поглотить съедобную органику неподалеку. Такая вот стремительная, простая, но донельзя эффективная биохимия течет в нас с самого рождения. Лем разлепил опухшие веки и тут же закрыл их обратно от яркого света. После сна всегда трудно прийти в себя. Особенно, когда теряешь ощущение времени, которое провел в состоянии покоя. В который раз молодой подпольщик прислушался к своим ощущениям. Как ни странно, немощь и тянущая боль теперь не наливали тело холодным свинцом. Перевернуться с одного бока на другой у него получилось практически легко и непринужденно. По крайней мере, в глазах больше не вспыхивали черные круги, и сознание не уплывало куда-то далеко в срочном порядке. Он дотронулся рукой до лица. Даже веки стали не такими раздутыми, да и вообще общая опухоль на лице словно сдулась. «Мои дела явно идут в гору, – почти весело подумал Лем и открыл глаза, – хотя, может быть, я и поторопился». На первый взгляд все было в порядке вещей. Обычная комната с мебелью и дымящейся глубокой красной тарелкой на журнальном столике. Все было бы просто замечательно, если бы Лем очнулся сейчас сразу после ареста. Всегда есть одно «но». И сейчас оно заключалось в том, что голодный юноша проснулся в месте, в котором все располагалось зеркально относительно того, что отпечаталось в его памяти. Хотя что из того бреда бесконечного цикла пробуждений и уходов в забытие можно назвать реальностью, а что шутками перегруженного сознания? Нет ответа. Можно только гадать, строить предположения и пытаться не лишиться рассудка. Только вот как себя не убеждал Лем в том, что ему привиделись изменения вокруг, отделаться от свербящего беспокойства он не мог.

«Если я все правильно помню, то все должно быть наоборот. Не мог же кто-то настолько тихо все повернуть, что я не проснулся. Если тарелку поставить тихо можно, то передвинуть мебель вместе с моей кроватью решительно невозможно». Успокоив себя этим, он сел, потер лоб шершавой ладонью и оглядел все помещение. Буквально на секунду взгляд Лема зацепился за что-то, но он тут же отогнал дурные мысли. В конце концов, списать на игры разума можно ровно столько, сколько мы сами захотим. Голод, наконец, дал о себе знать, и подпольщик дотянулся до тарелки с теплым содержимым. Помимо нее на журнальном столике стоял громоздкий граммофон без единой пластинки.

* * *

В тарелке оказалась серая каша, название которой если и существует в общепринятом лексиконе, то Лему было незнакомо. «Надеюсь, хоть там не намешали никакой химии. А то как-то не понравился мне прошлый опыт, хватило», – уныло подумал Лем. Так или иначе, есть хотелось сильнее, чем философствовать на тему состава этой баланды, так что подпольщик с жаром принялся за дело. И тут же зашел в тупик. Ложки на столе не было. Ровно, как и вообще какого-нибудь столового прибора. Вокруг даже намек на вещицу, которую можно использовать для поедания этой самой каши, естественно, не имелось. Наклонив тарелку на себя, Лем попробовал поесть вообще без рук, но не тут-то было. Съестное не сдвигалось ни на дюйм,

будто застывшая древесная смола. А ведь она пока еще была теплой. А уж когда она остынет, выковыривать ее будет значительно труднее.

Никогда еще не приходилось Лемору есть руками, словно животное. Он всегда считал это ниже достоинства человека. Даже если непреодолимое чувство голода терзает тебя изнутри, не «жри», а именно «ешь». Таковы были правила приличий в его семье. В семье, которая сейчас где-то очень далеко, разрозненная и униженная.

Однако от головы Лема словно что-то отхлынуло, и он вновь чуть не потерял сознание. Либо жизнь, либо смерть. «В конце концов, ничего же не случится от того, что я раз в жизни усну в себе внутреннего аристократа», – сказал Лем вслух и нехотя запустил ладонь в густую клейковину. Липкая субстанция неприятно обжигала руку, но организм требовал еды, сигналивая всеми рецепторами.

Он ел и ел, сначала медленно, периодически представляя, какой свиньей он кажется со стороны, затем быстрее, словно войдя во вкус. Когда человек осознает, что никто на него не смотрит, когда он понимает, что все рамки и нормы поведения стали лишь фикцией, бутафорией, которой можно и не придерживаться, он превращается в нечто первобытно-иное. Человек становится сам по себе, и ничто не смущает и не стесняет его действий. Он резко превращается в того, кем является на самом деле. И это ужасно.

* * *

Лем ждал Азимку в фойе театра. На нем был его любимый костюм, так сильно походивший на костюм отца. Лем иногда незаметно поеживался, ощущая на себе чужие взгляды. Мимо степенно проплывали другие посетители в роскошных одеждах. Их ленивые взгляды скользили по окружающим и слегка замирали на одиноком юноше. Он был им незнаком, но тем не менее отнюдь не казался чужим. Поэтому, немного помедлив, неспешные представители высшего общества одобрительно чуть качали головой в знак приветствия. Как ни старался Лем копировать их внутреннее спокойствие, в ответ он лишь натянуто улыбался. «Какой странный молодой человек. Молод, красив, но до чего неразговорчив, – шептали девушки и женщины своим кавалерам. – Не видел его на партийных собраниях. Хотя он молодой, возможно, впервые в свете. Надо будет разузнать об этом поподробнее», – рассудительно отвечали мужчины. Театры довольно часто служили местом встречи высокопоставленных партийных деятелей Демиругии со своими семьями. Билеты для обычных смертных стоили непомерно дорого, рабочий класс отсеивался ценами. Говорят, что в этом театре даже есть личная ложа Генерального Секретаря. Правда, это не помешало подпольщику раздобыть два билета. Связи в Конторе и небольшая сумма денег способны творить чудеса.

Обстановка внутри театра была потрясающей. Строго выдержанный стиль не срывался на откровенные пошлости в виде вычурных золотых украшений. Все было подчинено единому стилю Демиругии – монументализму. Рубленые стальные колонны с остро очерченными углами уходили высоко вверх под геометрически правильный потолок. Никаких архаичных безвкусных круглых арок. Раньше, как написано в учебниках истории, люди стремились к плавным формам. Это отражало их характер. Люди прошлого были мягкотелы и бесхарактерны. Теперь эти пороки остались лишь у самых слабых членов общества, неспособных понять, что духовные метания ведут лишь к разрушению личности. Человек суть есть ячейка общества – эта аксиома, знакомая всем и каждому с раннего детства. Причем ячейка строго определенной формы и размера, а всякие беспричинные колебания лишь подрывают четко структурированный организм Государства.

Однако иногда нужно показывать, насколько несовершенным общество когда-то было. Тогда становится понятно, в какую прекрасную эпоху покоя и безграничного порядка живет каждый гражданин Демиругии. Поэтому сегодняшний вечер озаглавлен (подумать только!)

настоящим симфоническим оркестром. Такое архаическое явление было явно в новинку избалованной правящей элите. Тем временем собравшиеся в фойе люди были заняты построением предположений, на что окажется похож предстоящий концерт, поэтому к Лему никто так и не подошел для разговора. «Хоть не пришлось придумывать себе легенду», – подумал подпольщик и в который раз переступил с одной ноги на другую в томительном ожидании.

Ручной хронометр неумолимо передвигал полукруги указателей времени. – «Неужели она не придет?» Все ближе и ближе минутный указатель подползал к делению, на котором представление должно будет начаться. Разговоры вокруг сливались в жужжащий шум, похожий на звук из пчелиного улья. Ничего конкретного нельзя было разобрать, но громкость его постепенно росла. Публика волновалась перед началом. И где же пропадает Азимка?

* * *

А вот и она. У Лема даже перехватило дыхание. До этого дня Азимка и полувоенная форма их Конторы были единым образом, абсолютно неразделимым. Но сейчас она будто бы превратилась в другого человека. Словно часть окружающего высшего общества, она единым, непрерывающимся движением выпорхнула из легкого пальто, которое тут же подхватили услужливые работники гардероба. Но, в отличие от холодной красоты вокруг, она оставалась все той же девушкой без причуд, томных ужимок и набора «масок» под разные ситуации.

– Привет, мой кавалер, – сказала Азимка, кокетливо улыбнувшись, – устал ждать?

– Тебя – ничуть, – ответил широкой улыбкой юноша.

Оглушительно трижды взвыла сирена, освещение на миг погасло, и на стенах замелькали тревожные красные огни.

– Ну что, узнаем же, чем жили наши с тобой предки, – весело прокричала девушка и помчалась в общем потоке в зал, увлекая за собой Лемора.

* * *

В зале слышались неприкрытые смешки. Объявили новое произведение. Это была «Лунная соната» Бетховена. Никто не знал, ни что это за музыка, ни кто ее сочинитель. Но почему-то именно сейчас Лем замер в сладостном предвкушении. И музыка полилась. Начала наполнять зрительский зал, подобно сладостному туману. Мягко и уютно, она непривычно ласкала слух. Музыка, а если быть точнее, агитмузыка, другой в Демиругии не существует, создана, чтобы направлять человеческую агрессию. Она заставляет забыть обо всех невзгодах и сплачивает людей, скручивает в твердый кулак и указывает цель. Цель, на которую можно выплеснуть весь избыток такого вредного явления, как абстрактное мышление и бесплотные мечтания. Цель, которой уже много лет является Республика Кант. Это знают все, для этого и совершаются массовые слушания. Но эта... Эта музыка была иной. Она нежно брала тебя за руку и уводила из толпы в тень воображаемых деревьев. Усаживала на мягкую траву и начинала тихо шептать на ухо что-то пока неразборчивое, но чрезвычайно удивительное. Даже не удивительное, прекрасное. «Лунная соната» прикасалась к струнам души и играла на них свой теплый, но в то же время и грустный, трагичный мотив. Зал не умолк до конца, нет. Многие так и продолжали издеваться над композиторами древности, ставя в пример синтетическую агитмузыку. Но это не важно. Стоит человеку определиться со своим отношением к чему-либо, как для него общественное мнение теряет свой вес.

Лем сидел потрясенный от осознания того, сколько он лишился с рождения. И тут он перевел глаза на свою спутницу. Азимка сидела прямо, как можно сильнее подавшись вперед. Ее грудь часто вздымалась и опадала, глаза были широко распахнуты. Увлеченная потоком образов, захлестнувших ее с головой, она слегка закусилась нижней губой и нервно теребила поя-

сок платья. Чуткая и напряженная, не ожидавшая чего-то подобного, округлившая от удивления глаза, в которых растерянно застыли небесно-голубые огоньки, Азимка навсегда врезалась в память Лема. Непонятно, что больше подействовало на юношу, его возлюбленная или сама музыка, но душа его будто свернулась в причудливый узел. Где-то в груди вспыхнула свеча, наполнившая тело добрым теплом.

«Наверное, это и есть любовь», – подумал Лем.

В тот волшебный вечер он до конца убедился, что любит Азимку больше своей жизни.

* * *

Лем вострепнулся. Похоже, что он задремал, сидя с пустой тарелкой в руках. Насколько сладки сны и грезы, настолько же сурова и бессердечна реальность. Быстро летят минуты сновидений, в которых мы вспоминаем сокровенное прошлое. Казалось бы, к чему вспоминать сейчас ее? Она осталась в безопасности. Его, конечно, будут пытаться, выясняя, куда он отправил свою любовь. Но лучше умереть, чем выдать Надзору за общественностью хоть слово. В крайнем случае можно откусить себе язык, если поймешь, что дело совсем дрянь. Никто и не заметит, как ты захлебнешься собственной кровью. Но Азимку они не получают никогда, какими бы длинными не были руки этих псов закона, Контора всегда впереди на полшага. Сколько раз уже так бывало. Надежные агенты загодя предупреждали своих, и врывающийся штурмовой отряд Надзора наткнулся лишь на следы ушедших час назад революционеров. Порой собрания проводились почти под самым носом у вездесущих полицаев. А когда они вновь и вновь вместо полного зала народа видели пустующее помещение... Да, в этом есть свой азарт. Ищейки Надзора рвали на головах волосы, гоняясь за подпольщиками по городу, но взять полезного информатора не получалось. Максимальная степень скрытности. Никто не знает всей сути вещей, ни один подпольщик не владеет больше, чем малозначимым куском информации. Поэтому если попадался один – пострадать вся организация не могла. Сама Контора тоже страдала от своей необходимой осторожности, нельзя было в открытую заявить всем гражданам Демиругии о своем существовании. Лишь недавно руководители решились на ошеломительную дерзость – печать листовок. На строительство нескольких типографий втайне ото всех были потрачены колоссальные суммы и силы. Дело еще не оправдало себя, но, несомненно, оправдает. Не все листовки успевают сорвать, что-то уже просачивается в массы. Значит, процесс пошел.

Так что нет, если делать все по планам Руководителей, в лапы Надзора не попадешься. Вот только в его случае возможность сбежать была лишь эфемерным призраком, поводом, чтобы предупредить Азимку той злополучной ночью.

Лем не заметил, как стал раскачиваться. Вперед – назад. Вперед – назад. Сколько уже прошло времени с момента его ареста? Тарелка гулко звякнула о голый бетонный пол. Вперед – назад. Может, это все та же ночь. Не исключено. На небольшом столике находился всего один предмет – металлическая ложка. Вперед, снова назад. Щетина на подбородке колется. За один день отросла? Лампа на потолке взвинченно жужжала. Обхватив себя руками крест-накрест, Лем качался и смотрел в одну точку широко раскрытыми глазами.

Они ее не получают. Не-ет. Он не выдаст, а уж план Конторы-то не подкачает. Всегда спрашивал. Уходили за час до прихода Надзора сколько раз уже. И пусть пытаются. Всегда на полшага впереди полицаев. Наверное, я здесь пару дней. В крайнем случае можно и язык откусить, и ампулу разгрызть. Не успеют откачать. Главное, чтобы Азимка по плану ушла. А он-то не подкачает. Прикроет, как сможет. Хотя, может, и больше. С другой стороны, время будто совсем остановилось. Ампула вот только в плаще. Может, ее вообще сейчас перепрятать из воротника. А то допрос. Свяжут руки и отберут плащ. Лучше перепрятать.

Взгляд Лема метнулся к противоположной стене. Она была выбеленной, идеально чистой и пустой. Вешалки на ней не было. Но он все же вскочил на ноги и подбежал к стене. Помимо

кровати в комнате ничего не было. Холодный пол морозил ступни. Голые стены не несли на себе следов обоев. Вокруг лишь слабо мерцал свет в полной тишине.

Лем ударил кулаком по стене. Затем еще и еще раз. «Да выключите вы уже эту чертову лампу, – заорал он в пустоту, – черт вас подери, ее жужжание сведет меня с ума». Осознав тщетность своих усилий, подпольщик начал барабанить в дверь. Удары сыпались один за другим. Ноги и руки покрылись ссадинами, а Лем все не желал останавливаться. Бился в дверь, кричал, срывая голос, снова старался впечатать свои конечности в металл. Он кричал, и слезы капали из его глаз. «Выключите лампу, прошу. Ее звук убьет меня», – не то требовал, не то умолял он в перерывах между схватками в полнейшей тишине.

Когда он снова ударил, на дверь подали электрический ток, все тело Лемора дернулось и с глухим звуком шмякнулось на пол. Через минуту свет в комнате погас.

* * *

Это пробуждение было самым тяжелым из всех. Вереницы мутных образов собирались в стаи, с размаху налетали на Лема и разбивались, словно шквальный ветер о скалы. Короткое пустое «выключение».

По привычке Лем потер закрытые глаза ладонью. Она была влажной от пота, будто он не лежал в отключке, а совершал марш-бросок. «Странно, может, у меня поднялась температура?» – Лем открыл глаза. И сейчас же вскочил на ноги. От долгого сидения они затекли, и подпольщик не удержался и упал обратно. Быстро перебирая ногами, он отполз в дальний от двери угол. Его рот перекосила гримаса ужаса. Он таращился на свои руки и одежду. Свежая, еще не засохшая кровь стекала по предплечьям и локтям. Вся одежда была вымазана донельзя.

В страхе, не желая подтверждать подсознательных догадок, Лем медленно поднял голову на противоположную стену. Кровавые пятна от ступней Лема вели именно туда. Под красными подтеками, на полу была бурая лужа. Лишь белый квадратик фотографии резко выделялся на фоне этого безумия. Лем встал и на негнущихся ногах подошел вплотную. Это была фотография Азимки с черной надписью снизу: «Чья это кровь у вас на руках, товарищ Свирягин?»

* * *

Истошный вопль отчаяния, боли и ненависти пробился через шумоизоляционный контур Психологического Карцера. Скрытые микрофоны записали каждую ноту этого крика, зафиксировали слом человеческой воли одной лишь аудиодорожкой. Штатный психолог внимательно прокрутил последние несколько записей звука из Карцера, немного подумал и снял огромные наушники.

– Можно начинать. Арестант Свирягин готов к сотрудничеству, – сказал он, обращаясь к плечистому полковнику в черном камуфляже.

Человек в военной форме стоял молча, прислонив один наушник к уху. Его взгляд не выражал ровным счетом ничего. Рассмотреть какие-либо эмоции на его лице было решительно невозможно. Оно было словно грубо вытесано из камня, такими выглядят первые работы начинающих скульпторов, когда они только учатся придавать головам формы. Короткая темная стрижка с редкими седыми волосами выдавала в нем возраст, близкий к пятидесяти. Однако могучая, даже звероподобная фигура под черным кителем свидетельствовала о том, что он был в самом расцвете своих сил. «Интересно они придумали с этим Карцером. Надо взять на заметку. Может, и наша контрразведка как-то это реализует. Таскать через всю базу ННО в этот Карцер преступников, конечно, хорошо, но весь режим секретности к черту. А интересные все-таки у них методы, стоит поговорить об этом в штабе».

– Готовьте к транспортировке, – кивнул полковник толпящимся сзади помощникам, – только дайте отмашку, в какой момент говорить.

– Конечно-конечно, – на разный лад заговорили люди в белых халатах, – держите микрофон и ждите нашего сигнала.

«Цирк, да и только, – подумал командующий экспериментом полковник. – Фразы, шифры. Своих будто мало по работе».

Он щелкнул тангетой на микрофоне, который, скорее, напоминал штатную рацию патруля ННО. Раз, и в наушниках возник истошный вопль полоумного революционера. Раздалось тихое, но все нарастающее шипение. Это значит, что в Психологический Карцер подали усыпляющий газ. Крик начал постепенно стихать. Все меньше проклятий сыпалось на Демиругию в целом и Надзор в частности. Тише и тише слышались всхлипы корчащегося на полу человека с фотокарточкой в руках. И вот, едва голос его затих, но сознание еще могло воспринимать происходящее вокруг, из скрытых динамиков прогремел усиленный металлический голос полковника: «Чья это кровь у вас на руках, товарищ Свириягин?»

* * *

Лем оказался в темном помещении с очень низким потолком. Сквозняк неприятно забирался под одежду. Из-за высокой влажности было трудно дышать. Революционер сидел на низкой лавке, так что колени его упирались в грудь, и возникло чувство полнейшего дискомфорта. Левая рука его была пристегнута наручниками к кольцу над головой, а на правой был зашелкнут браслет с утяжелителями. В сторону Лема была направлена настольная лампа, и за ней лишь угадывался контур сидящей за столом массивной фигуры полковника.

– Начинаем, – чьи-то руки в белых перчатках появились из ниоткуда, мазнули куском ваты со спиртом по локтевому сгибу и бесцеремонно вогнали в вену иглу шприца. Закончив процедуру, руки вновь исчезли.

Лему миг стало хуже. Дикая тошнота подступила к горлу, а глаза попытались выскочить из орбит.

«Снова. Наркотик», – это была последняя осознанная мысль подпольщика.

Специальная химия, введенная в организм человека, начала делать свою работу.

Все психологические барьеры, табу и правила остались позади. Лишь сладкое забытье манило к себе. Привлекало своим беспредельным спокойствием и расслаблением, избавлением от всех мучений. Ради этого заветного покоя можно было сделать все что угодно. И Лем делал, забыв, кто он, где находится и почему же его не отпускают. Хотелось одного – как можно скорее дать людям, посадившим его в темное помещение напротив яркой лампы, все, о чем они просят. Революционер что-то говорил, терял сознание, просыпался от уколов адреналина, вновь говорил, подписывал какие-то бумаги, опять говорил. Показывал пальцем на карту и почти бессвязно, изо всех сил стараясь шевелить онемевшими губами, диктовал адреса, имена и наборы странных кодовых фраз. Человек в черной форме, сидящий напротив, то мягко и вкрадчиво спрашивал, то жестко, с холодным металлом в голосе и взгляде требовал. Предлагал забыть о толстой папке личного дела, а потом угрожал мучительной расправой. И хоть каждого революционера готовили к подобному, природу обмануть нельзя. Надзор Над Общественностью безошибочно выучил механизм работы организма человека и лишь подбирал отмычки к каждому допрашиваемому. Поэтому Лемор Свириягин говорил, а машинистка поодаль старательно била по клавишам, протоколируя каждую его фразу.

Через несколько часов черная перчатка легла на плечо Лемма, и тот, кто все это время тянул из подпольщика информацию, с улыбкой сказал: «Ну вот и все, товарищ Свириягин. Вы очень хорошо послужили всей Демиругии, уверяю вас. Мы даже готовы пойти на то, чтобы полностью освободить вас и вашу девушку. Мы вернем вас обоих к прежней жизни. Вы ведь

этого хотите, верно? – обессиленный арестант молча кивнул, – вот и славно, окажете Родине последнюю услугу, и вы свободны, подпишите соглашение, и вам выпадет честь искупить свою вину перед Отечеством. Все в ваших руках, товарищ Свирягин. Не испачкайте их в крови близкого человека».

Конечно же, дрожащая рука поставила подпись.

– Уберите это, – недовольно скривился полковник в черном. Он устало расправил плечи и глубоко вздохнул. Помимо того что мальчишка подтвердил многие догадки контрразведки, он еще и мог послужить в предстоящем деле. Последний «доброволец» был найден. Теперь можно начинать операцию.

Глава II

К сожалению, идеальная система не может состоять из неидеальных людей. Так правильно, но и так зря сказали когда-то.

Поэтому настолько важно знать Устав, как, к примеру, свой личный номер на получение гражданских талонов, или, скажем, как имя и фамилию командира. И то, и другое, и третье Сурнай Козинский знал на отлично, чем и вызывал некоторую зависть товарищей. В то время, когда все частенько получали нагоняи от начальства за неряшливость в одежде, пыль на тумбочке с личными вещами в казарме или неправильный строевой шаг, лейтенант Козинский отдавал все свои мысли Уставу. Он не просто жил по нему, он жил им, думал Уставом. Кто-то из его отделения вечно бубнил под нос что-то про зашоренность мышления и недалекость командира, но все эти пустые и безосновательные разговоры Сурнай пресекал на корню. «Любое своемыслие развращает ум солдата, а личная инициатива убивает дисциплину», – гласил лозунг каждого учебно-воспитательного фильма. И у лейтенанта не было ни единой причины оспаривать абсолютную правоту этого постулата. Все-таки эти фильмы производятся под руководством Военного секретариата страны. Там глупых людей нет, так что лучше следовать мудрым указаниям старших и не подвергать их сомнению. Через время осознание их истинности придет само, за это можно не беспокоиться.

Лейтенант Козинский откровенно не понимал, чем можно быть недовольным на службе. Бесплатное койко-место, за которым нужно всего лишь следить в соответствии с установленными правилами. Трехразовое питание, содержащее весь набор необходимых витаминов. Еда не имела приятного вкуса, чтобы не дать возможности расслабиться. Но разве должен солдат быть расслаблен на защите своей Родины? Для этого есть шесть часов сна и четыре часа личного времени раз в неделю, как награда за усердную службу. Помимо всего этого, постоянные тренировки и учения делали из любого сопляка настоящего мужчину. А самодурства командиров, на которое так злилось его отделение, можно легко избежать, если во всем следовать Уставу. Короче, жаловаться в Армии было не на что.

Поэтому лейтенант Сурнай Козинский ходил строевым шагом, соблюдая длину шага в 80 см, каждое утро одевался за уставные 15 секунд и задирал подбородок под 65 градусов, вытягиваясь в струну при приближении командирского состава, без каких-либо жалоб.

Полуокружности настенного хронометра перекрестились на цифре 7, пришло время для просмотра учебно-воспитательного фильма номер девять. Сегодня повторяем историю. Лейтенант Козинский, потративший свое личное время на отдых, встал, сразу же расправив за собой кровать, и оглядел общую комнату своего отделения. Бойцы занимались кто чем хотел. Кто-то развалился на кровати. «Если покрывало не будет идеально ровным, поставлю наряд». Часть ребят горячо спорили в дальнем конце комнаты. «Лишь бы поточить языки, отдых был бы рациональнее». Пара человек склонились над книгами у окон, чтобы уличный свет освещал страницы, ведь драгоценное электричество не тратится попусту на освещение казарм. «Опять эти умники. Уверен, у них не История Демиругии в руках».

– Отделение, построиться! – рявкнул Сурнай и чиркнул спичкой о коробок.

Сонная комната мигом пришла в движение. Книги будто сами собой улетели в тумбы, постели расправились так, что даже самый чувствительный уровень показал бы идеальную горизонталь без всяких отклонений. Каждый застыл у своей кровати, вытянув руки точно по швам. Девять бритых голов смотрели под нужным углом в потолок.

– На просмотр УФФ, шаго-ом марш! – пламя спички погасло.

* * *

Каждый просмотр всегда начинался одинаково. В просторном помещении рассаживалась вся рота в количестве шести отделений. Одна стена была полностью выбеленной, напротив нее стоял большой кинопроектор. После небольших настроек и смены пленки на окна опускали темные, не пропускающие свет занавесы, и включался фильм. В тишину с размаху врывался оглушающий гимн Демиругии, и солдаты вскакивали, скандируя лающие слова торжественной песни. Снаружи кинозал напоминал пчелиный улей, по которому пару раз с размаху ударили бейсбольной битой. Когда гимн заканчивался словами: «За страну и Отечество, за Мир во вселенной каждый из нас сражаться готов!», охрипшие солдаты с мурашками на коже, счастливые и удовлетворенные, готовые внимать и образовываться, садились обратно на стулья. Кинолента начиналась со стандартного лозунга: «Любое своемыслие развращает ум солдата, а личная инициатива убивает дисциплину». Затем следовал сам УВФ. Сегодня показывали самый интересный, про историю возникновения Демиругии и появление всеобщего врага-завоевателя – Республики Кант.

«Наша великая Родина возникла и существует по сей день, как неприступный оплот цивилизации в этом пустынном мире. Земля, которой посчастливилось иметь на себе государство Демиругия, поистине страшное место. Она досталась нам сухой, выжженной дотла и непригодной для жизни. Огромные радиоактивные пустыни, тянущиеся на миллионы километров, безводные океаны, на дне которых лишь залежи соли, высасывающие влагу из воздуха, и абсолютное отсутствие жизни – вот, что ждет любого, кто по своей глупости рискнет покинуть Демиругию. Таков наш мир, он нам достался суровым, но первый Генеральный Секретарь собрал вокруг себя верных товарищей, привел их на этот полуостров, и они вместе начали строить место, в котором можно было бы сопротивляться безжалостному миру вокруг. В котором каждый был равен своему соседу и мог бы полноправно обращаться к нему, как к товарищу. С тех пор началась история нашего государства.

Но однажды появились предатели, которые попытались свергнуть строй Демиругии. И, конечно же, их коварные планы с треском провалились. Ведь они не понимали, что победить огонь в сердцах единой общины нашего народа невозможно. Каждый гражданин внес свой вклад в общее дело, и вместе мы вытравили предателей из страны. Выражая решение всего народа, Военный Секретариат с поистине отеческой любовью не стал уничтожать этих отъявленных преступников, наказав их лишь изгнанием за пределы Демиругии. Много лет после изгнания они не давали о себе знать, но однажды они вернулись, потрясая жалким оружием. Одолеть нашу бравую армию им вновь не удалось. Подлые захватчики, назвавшие себя Республикой Кант, начали затяжную войну, которая идет уже бесконечно долго. Линия фронта пролегает по горному Хребту, который является единственной преградой нашим непобедимым войскам в уничтожении кантийцев. Силы противника истощены, он больше не нападает, а защищается. Поэтому именно вы, солдаты, покончите с нашим общим врагом и обеспечите своих детей светлым будущим.

За честь, равенство и дисциплину! За Демиругию!»

– За честь, равенство и дисциплину! За Демиругию! – сжатые кулаки шестидесяти солдат взыметнулись ввысь в едином порыве.

* * *

Сурнай построил отделение на улице перед кинозалом и отдал приказ о чистке снаряжения. Массивные бритые черепа гаркнули: «Есть», синхронно повернулись и маршем двинулись к казармам.

На улице было сыро и сумрачно. На небе метались слои унылых облаков. Зябко поеживаясь, лейтенант вдохнул влажный воздух. Духоты не было, значит, и дождя не будет. «Жаль, лучше бы начался ливень, тогда дали бы лишний час отдыха в виде генеральной уборки». Но сейчас личное время тратить настоящему солдату было неоправданно. Хороший командир не должен позволять себе слабостей на службе. А к слабостям относится все, кроме того, что требует командир. Любая личная особенность – признак слабости.

«Человек ценен только как элемент системы. В одинаковости наша сила. В упорядоченности наша гордость», – доносилось из многочисленных динамиков, установленных на стенах. Спокойный, но со скрытым глубоко внутри металлом голос настойчиво врезался в память. В голове всплывала целая фраза, едва она только начинала произноситься из динамиков. Постоянно на слуху, навечно в памяти. Простейшие истины и правила вперемешку с идеологическими указаниями.

- Без дисциплины жизнь невозможна. В ней наша свобода.
- Зашнуровывать берцы нужно с правой ноги.
- В упорядоченности наша гордость.
- Командир всегда прав.

Лейтенант Козинский ухватился за турник и повис, разминая спину.

- Республика Кант подлежит уничтожению и истреблению.
- Приказы не обсуждают.
- Батальон состоит из 60 человек.
- Командир есть пример для подражания.

Легко и без рывков, ноги идеально прямые, Сурнай подтягивался на турнике. Наверху он коротко и шумно выдыхал сквозь зубы. Вдыхал внизу.

- Наш мир непригоден для жизни вне Демиругии.
- Длина строевого шага – 80 сантиметров.
- Пища в рационе солдата полезна для организма.
- Наша сила в одинаковости.
- Система идеальна.
- Для сна необходимо шесть часов.

Солдат спрыгнул на землю, потряс руками, расслабляя напряженные мышцы, и ухватился за брусья.

- Одеваться нужно за пятнадцать секунд.
- Кантейцы – предатели.
- Человек ценен только как элемент системы.
- Дорожить автоматом нужно больше своей жизни.
- Без дисциплины жизнь невозможна...

Сурнай спрыгнул с брусьев и развернулся к турнику.

И все началось сначала.

* * *

Самая важная часть тренировки – это разминка. В зал солдат заходит холодным. Его мышцы мертвы и деревянные, при каждом движении суставы тихо скрипят, требуя немедленного разогрева. Бритые черепа нескольких отделений блестят, отражая лампы накаливания. Пот стекает по гладким вискам к подбородкам, струится пахучими ручьями по бычьим шеям. Но к черту всю неэстетичность момента. Бойцы разминаются перед боем.

В расписании так и значилось: «Бои». Либо: «Общественные работы». То есть был выбор между тяжелыми изнурительными тренировками и уборкой казарм. Но отчего же вокруг квадратной клетки ринга бегало такое количество солдат? Ответ прост и предсказуем. Его сфор-

мулировала, облекла в инстинкты и вложила им в головы сама природа. Никто не хотел быть слабаком со шваброй в руках. Это только кажется, что выбор есть всегда. Никто не запрещает бросить уборку и прийти драться вместе с остальными. Только вот попробуй прийти. Попробуй прийти с клеймом уборщика к людям, которые уже не один день разбивают в кровь друг другу лица, ломают ребра натренированными ударами и выбивают зубы, рыча от переполняющего бешенства. На ринге все они враги, лишь один заканчивает бой, стоя на ногах над пускающим красные пузыри противником. Но стоит бою завершиться, кулак, который только что сломал тебе нос в двух местах, развернется в протянутую ладонь верного до пены во рту товарища. Тот, кто почти выбил из тебя всю дурь, первым же приведет в лазарет, похлопает по плечу и согласится на реванш через месяц. Теперь вновь попытаемся представить, как примут того, кто побоялся прийти на первую тренировку и решился на это спустя лишь пару месяцев. Так что наличие свободного выбора здесь вещь эфемерная.

Как только заканчивалась разминка, каждый выбирал себе по тяжелому мешку с песком, подвешенному к потолку. Начиналась вторая часть тренировки – отработка ударных комбинаций. Свисток, и пространство наполняется дробью глухих и быстрых ударов. От старых мешков поднимается пыль, окна запотевают от духоты. Каждый удар сопровождается коротким резким выдохом. Кто-то выдыхает в голос, некоторые – с шипением сквозь сжатые зубы. Повсюду царит гул. Сейчас не важна сила, поэтому никто не вкладывается в удары. Быстрые, легкие, хлесткие, они сыплются в запутанном ритме. Вызов, нырок, ложный вызов, встречный удар в челюсть. Воображаемого противника, конечно же. Пока воображаемого. Каждый работает удобными ему ударными связками, тут никакого жесткого контроля нет. В конце концов, ты сам заинтересован не хватать воздух на полу ринга без сил подняться. Тренер, командир в отставке, корректирует правильность ударов каждого бойца, дает совет и сразу идет к следующему.

Свисток, гул резко стихает. Солдаты надевают защитные капы. Сломанная челюсть, валяние в лазарете и последующая отработка безделья не нужны никому. В клетку заходят двое. Дверь запирается снаружи, чтобы вдруг кто-нибудь не сбежал, но таких случаев здесь не было никогда. На руках бойцов только бинты, в зубах одинаковые черные куски резины, отчего кажется, будто биться будут беззубые. В глазах – лютая ненависть. Скорее всего, в глазах любого бойца противник становится кантийцем. А их нужно истребить, это общеизвестно. Поэтому кровь в жилах закипает, вены, подобно проводам, опутывают тело толстыми канатами, а сердце разгоняется, переходя со стука на непрекращающуюся дробь. Сейчас напротив не боевой товарищ, а злейший враг, предатель и прихвостень кровавого тирана. Достать, сломать, уничтожить.

Свисток, и оба приходят в движение. Перемещаются по кругу, впери́в взгляд в переносицу друг друга. Оба пытаются выбрать себе тактику, которая принесет победу. Держат в голове свои «коронки» – натренированные связки. Раз, они сцепились. Два, вышли из клинча. Дыхание тяжелое, широкие грудные клетки голых до пояса бойцов расходятся, вбирая кислый от пота воздух, и сходятся, выгоняя из тела усталость и избыток адреналина. Во взгляде одного ярость за пропущенный удар, а второго – холодный расчет. Опытный тренер уже может предсказать победителя.

* * *

Разрыв дистанции. Печень, селезенка, печень. Отскок. Вызов и сразу же снова клинч. Отскок. Противник пытается наскочить с передним боковым, метит точно в висок. Достаточно правильно рассчитать удар и приложить нужную силу, чтобы твой противник получил тяжелое сотрясение мозга. Если ударить точно костяшками среднего и указательного пальцев, то

будет сломана височная кость. С большой вероятностью смерть наступит до прихода санитаров. Твоего противника, конечно же.

Нырок вперед под удар, и второй боец, не рассчитав дистанции, теряет равновесие и оседает на колено. Короткий апперкот левой и тяжелый боковой, с переносом всей массы тела, правой. Тот, кто яростнее бросался вперед, с запрокинутой головой падает спиной на ринг.

Свистка нет.

Бой не закончен, значит, второй человек на ринге все еще твой враг.

Один бритый солдат садится на другого такого же и заносит руку для удара. Они не похожи только в одном. В схватке всегда единственный победитель.

Придерживая левой рукой голову, боец замахивается правой.

Колени на предплечьях противника, чтобы он не закрыл голову.

Удар наотмашь, сломанный нос брызнул алой кровью на заляпанный ринг.

Свистка нет.

Удар, из костяшек правой руки пошла кровь. Она стекает из-под разодранных бинтов по запястью прямо из глубоких порезов от осколков зубов. Теперь правая рука держит голову противника. Не важно, солдат Демиругии бьется одинаково и левой, и правой. Раз, и губы лопнули, превратившись в кровавую отбивную. Два, осколки, оставшиеся на месте белых зубов, насквозь порвали защитную капу и щеку следом.

Приказа «Отбой» все нет, значит, надо продолжать. Продолжать уничтожать своего боевого товарища, представляя его врагом, ведь так было приказано. Нужно бить, убивать, яростно кромсать, не обсуждая приказа, не задумываясь над смыслом, осознание его верности придет после. Тот, кто отдает приказы, не может ошибаться. Выполняй что велено, и будешь вознагражден.

Теплый бесформенный бифштекс с бритым черепом уже не сопротивляется.

Удар. Уже не понятно, чья именно кровь на кулаках.

Удар. Возможно, он уже мертв. Хотя нет, вроде еще пытается выдернуть руки и защитить голову.

Удар. После каждого на полу появляются все больше бурых росчерков.

Удар. Хлюпающий звук.

Руки боевого товарища отпускают голову, и она с глухим стуком бьется о ринг.

Свисток.

– Нокаут, – прозвучало за клеткой.

Сурнай выплюнул капу, оттер заливающую глаза кровь из рассеченной брови и оглянулся. Окружающие клетку одинаковые бойцы молчали и растерянно переглядывались, – «почему тренер так долго не заканчивал бой?» Победитель стоял, пытаясь отдышаться, ища глазами поддержки. Но никто не кричал, поздравляя. Никто не бежал открывать клетку, чтобы первым обнять удачливого воина. Тихий шепот, подобно шелесту листьев, гулял между бойцами. В воздухе повис один вопрос – зачем было давать так сильно искалечить противника? И вдруг, точно прогремевший ночью танковый выстрел, в полнейшей тишине раздался смех. Он нарастал все сильнее, даже некоторые солдаты не смогли сдержать улыбку, хоть и не видели ничего смешного. Настолько он был заразителен, и вот тренер уже едва успевал оттирать слезы с глаз, захлебываясь в собственном гоготе. Никто не посмел пошевелиться, все стояли, задрав головы вверх, украдкой улыбаясь против воли. Понемногу внезапное веселье начало стихать, пока не исчезло совсем. Переведя дух, огромный отставной командир сказал: «Молодец, товарищ Козинский, молодец. Давай, хватай свою несчастную грушу и проваливайте к санитарам», – махнул он в сторону выхода и повернулся к остальным, все еще довольно улыбаясь.

Сурнай взвалил на себя тело проигравшего и поморщился, одной рукой закрывая рану на лбу, чтобы кровь не заливала глаза. Кажется, у него все же была сломана пара ребер. Из груди той самой груши едва слышно вырывалось хриплое дыхание, а изо рта струилась слюна,

перемешанная с кровью. Он держался хорошо, но слишком горячо шел в атаку, а враги такого не прощают.

Лейтенант Сурнай Козинский вышел в открывшуюся дверь клетки с парнем из другого отделения на плече. Отовсюду слышались сдержанные поздравления, победителя то и дело одобрительно хлопали по плечу. Недавние противники поковыляли в лазарет, а за их спинами уже послышался следующий свисток.

Человек в черном камуфляже, следивший за происходящим из тренерской, криво ухмыльнулся своим мыслям. Свет в комнате был выключен, и снаружи массивного силуэта не было видно. Посетитель проследил взглядом за фигурой ковыляющего лейтенанта, что-то пометил в своем кожаном блокноте и сел в углу, уйдя в раздумья.

* * *

Чтобы проще направлять свою злость, придавать себе сил во время боя, на ринге каждый представлял, будто его противник – кантиец. Жестокий, уродливый и не знающий пощады монстр, который жаждет крови его близких. Это помогало не сдаваться, даже если было очень больно. Правда никто и понятия не имел, как выглядят жители Республики Кант, но голос из динамиков на улице описывал все, что о них требуется знать. Были ли они людьми, чем походили на бравых защитников Демиругийского Хребта и в каком количестве они живут в ожидании удобного момента для нападения, не говорилось. Всю жизнь солдат воспитывается и закаляется, учится убивать и выживать, месяцами он размышляет, воображает себе врагов из-за Хребта. И в его мыслях они с каждым разом становятся все больше, страшнее и кровавжаднее. Если они когда-нибудь столкнутся лицом к лицу, непонятно, кто больше испугается.

С самых юных лет как аксиому учили, что единственная цель кантийцев – убить солдата и попытаться добраться до его родственников. Но родственников у Сурнай Козинского не было. Зато была за плечами обожаемая, непобедимая и свободная Демиругия. А это важнее любой семьи. Для солдата и семья – слабость.

* * *

– Теперь глубоко вдохните и не выдыхайте до моей команды, я пока наложу на вас давящую повязку, – пациент молча сделал вдох и стал терпеливо ждать, пока врач опутывал его грудь бинтами. Повязка давила все сильнее, и когда уже стало невозможно задерживать дыхание, врач завязал на его спине тугой узел, – выдох.

Теперь в легкие стало входить ощутимо меньше воздуха. Покопавшись в столе, человек в белом халате выудил из него две больших таблетки и вручил пострадавшему, – примите сейчас, и трещина в ребре затянется к завтрашнему утру. Со снятием повязки обращайтесь сюда же, сами руками к ней ни в коем случае не лезьте. С боями пока повремените, на этот раз вы легко отделались, товарищ Козинский, не стоит испытывать судьбу. Хоть прошлый открытый перелом у вас и затянулся почти бесследно, нельзя лишний раз надирать организм. Надеюсь, вы меня услышали. А теперь скажите, чтобы сюда прикатили вашего дружка. Будем сшивать его обратно в человека.

– Так точно, – весело козырнул Сурнай и сунул красную и синюю таблетки в карман, – исполним в лучшем виде.

Он перекинул через плечо майку и вышел в коридор под пристальным взглядом врача. Когда дверь захлопнулась, тот лишь покачал головой и пробурчал себе под нос что-то в стиле «в могилу друг друга загонят». Все доктора постоянно недовольны своими пациентами, так что не стоит обращать внимание на тихое бормотание под нос. Но работа есть работа, и местный айболит принялся готовить инструменты для следующего пациента.

* * *

Впервые за долгое время Сурнай остался вне расписания и жестких рамок графика. Пока все его отделение занималось самым благородным из занятий – разбивало друг другу лица, ему оказалось нечем заняться. Идти обратно в тренировочный зал не стоит, зрителей там и так сейчас хватает, а боец из него пока не ахти. Праздно шататься по территории тоже не положено, ведь солдат всегда должен быть занят. Так гласит Устав. Поэтому единственным вариантом был путь в казарму личного состава. Может, получится встретить свободных штрафников и направить их энергию в правильное русло. Например, выгнать их на плац. Или погнать на сборку автомата на время. Полезных времяпрепровождений в армии много, не заскучаешь. Нужна только лишняя энергия и командир, знающий, куда ее направить. А уж у солдата эта энергия всегда найдется. Стоит лишь дать толчок. Либо пинок. Желательно сапогом. С этими благими намерениями и застал лейтенант двух бойцов своего отделения, сидящих на тумбочках возле своих кроватей. «Видимо, чтобы постель не расправлять, – подумал Сурнай, – бездельники».

Свободные от работ солдаты так и ждали, пока их займут чем-то полезным, но Сурнай остался за порогом, прислушавшись к разговору сослуживцев. Мало ли, какие настроения гуляют по отделению.

– Я, кстати, вчера письмо с Большой Земли получал, – похвастался один из бойцов.

– Да перестань ты так гражданку звать, будто в увольнение на выходных нас не выпускают.

– Выпускают, вот только друг мой далеко живет отсюда, ближе к центральным городам. Да и я уже месяц подряд туалеты драю на выходных.

– Ха, нечего было Козинскому дерзить, у него такая фамилия не просто так, – «Так, этого я запомнил», – подумал Сурнай.

– Да, точно, – усмехнулся получивший почту.

– Так что там с письмом-то?

– А, да. На гражданке, как ты называешь Большую Землю, – на этих словах второй собеседник ухмыльнулся, – Надзор накрыл шайку одну.

– Да ладно? Я не думал, что они чем-то кроме патрулей занимаются.

– Занимаются, еще как. Так вот, шайка эта была религиозная. Друг сказал, что вроде бы фанатики поехавшие.

– Религиозные? – второй удивлялся все больше.

– Именно. Не понимаю, на кой черт им это нужно, ведь под запретом подобное. Но факт остается фактом.

– Странно, что твой товарищ вообще о таком узнал. По идее, такое должны держать втайне.

– А он же механик-водитель. Вот и определили баранку крутить на грузовик для заключенных. Мехводы вообще частенько слышат то, что им не совсем и положено.

– Понятно, – повисла недолгая пауза, такая информация могла заставить задуматься каждого.

– А что за религия? – очень тихо спросил один солдат другого. Вопрос опасный, за такое не то, что наряды, трибунал светит.

– Ты чего, я в таком не разбираюсь! – тут же откестился рассказчик.

– Да я понимаю, но ведь интересно, какой бред эти психи несли.

– Ну-у, – помялся рассказчик и нехотя продолжил, – краем уха зацепил друг мой разговор их. Вроде как фанатики эти в каких-то богов верят с крыльями. Якобы те давным-давно с неба спустились и победили там кого-то на земле. Демонов каких-то. Бред, в общем, религия это для варваров.

– Уф, да уж. Звучит дико. И какие идиоты в такое поверят?

– Они еще называют своих богов чудно. Серувимы ли, Серафимы... Не услышал друг мой до конца. И вот, ратуют они за то, что якобы мы этих придуманных ими героев должны помнить. Самый ярый из них при аресте сопротивлялся, кричал, что у людей память слабая, историю свою быстро забывают.

– Что за околесица, я отлично помню, что нам в фильмах рассказывают.

– Да я тоже, так что смешно все это даже. Правильно их быстро увезли. А того главного вообще в отдельный автомобиль посадили. Так ему и надо.

– Ну и дела. Так сразу и не переваришь.

– Ага, не то слово. Слушай, а ты чем будешь занят, когда...

Интерес к дальнейшему разговору у лейтенанта Сурная Козинского пропал. «Ну и ну, – подумал он, – верить в это, естественно, нельзя. Явно пропаганда врага. Дезинформация. Чертовы кантйицы пытаются разобщить нашу Родину изнутри. Но какая-то гладкая выходит ложь, – он с сомнением еще раз вспомнил рассказ и мотнул головой, – на то она и пропаганда врага. Надо доложить начальству, ведь личные письма обязаны проверять, это есть в Уставе».

Классифицировав для себя неоднозначный разговор сослуживцев как пустую болтовню введенных в заблуждение людей, Сурнай пошел выполнять то, зачем и пришел. А именно, направлять энергию солдат с фантастических баек на полезные работы.

* * *

Быть немного выше своих сослуживцев по званию не так привлекательно, как кажется на первый взгляд. Лейтенант – такое промежуточное звено между обычным солдатом и низшим командирским составом. Как результат, непосредственные командиры мало чем отличают тебя от остального отделения, а вот твои товарищи уже начинают травить язвительные шутки за спиной. Изю дня в день Сурнай преданно выполнял свой долг. Он идеально выполнял приказы. Денно и ночью муштровал своих бойцов, не опуская головы, со стеклянным взглядом слушал профилактические выговоры начальства и не щадил себя, расходуя время для физических упражнений. Ничто не может сломить волю человека, когда он непоколебимо уверен в своей правоте. Устав стал божественной книгой, рукотворным даром человечеству. Он говорил, что нужно делать в конкретных ситуациях, каким образом строить свои размышления и строить ли их вообще. Его строки, в которых не было ни грамма лишнего и двоякого смысла, награждали человека свободой. Свободой от сомнения, страха перед грядущим и непереносимого ощущения одиночества. Ведь на самом деле в основной массе людям всегда недостает веры в то, что они служат чему-то большему. Устав был воплощением народного единства и процветания. «Жаль только, что гражданские не одарены таким сводом четких бескомпромиссных (это слово он услышал в разговоре двух офицеров) законов», – подумал лейтенант Сурнай Козинский. Самое страшное, что может случиться с человеком, – это если однажды он поймет, что законы, по которым он жил, не более чем обман и бутафория. Устав же был и будет неизменен. А если Высший военный секретариат дополнит и подкорректирует его, то изменить свое мнение в соответствии с написанным будет не так сложно.

Система Демиругии идеальна. Все подчинено, задокументировано и запротоколировано. Каждое действие, шаг и мысль строго упорядочены. В такой системе воспитываются лишь идеальные люди. Но проблема природы человека в том, что он может лишь стремиться к идеалу. Приближаясь максимально близко к этому понятию, человек не может его достичь. Такая вот математическая гипербола стремлений. Для всех Сурнай был истинным солдатом, не имеющим слабостей и просчетов. Однако и он человек. К сожалению, всего лишь человек.

В крайний день недели, после усердной службы, когда его отделение практически по собственному желанию заступало в наряд, Сурнай Козинский уходил из части. Брал увольнитель-

ный талон и шел в город. Он оставлял сумку с военной формой под автобусной остановкой, переодевался в обычную одежду, что было запрещено, и ехал к цивилизации. На глаза вечно был надвинут большой серый капюшон, мешковатая одежда позволяла слиться с жителями города. Интересно, что здесь каждый хоть как-то пытается закрыться от окружающего мира. Отгородиться от той восхитительной действительности в Демиругии. Поэтому человек в капюшоне не контрастировал на фоне толпы.

* * *

Выйдя на первой же остановке, Сурнай отошел за нее и запрокинул голову. Он полной грудью вдохнул свежий вечерний воздух. «Здесь даже осенняя сырость воспринимается по-другому», – негромко сказал он и улыбнулся. Свистел ветер с холодными брызгами, темные тучи рвано метались по небу, а Сурнай стоял, дышал и счастливо улыбался, ведь вокруг все было прекрасно. Единственный раз за месяц молодой лейтенант мог позволить себе маленький бунт против своих внутренних рамок. Он оглянулся на дорогу к военной части, слегка воровато осмотрелся и зашагал перпендикулярно дороге. Идти нужно недолго, да и этот путь можно было сократить, выйдя на три остановки позже, но по двум причинам Сурнай сознательно вышел раньше. Во-первых, соблазнительная возможность пройтись одному по городу пешком предоставляется чересчур редко. А во-вторых, кто знает, сколько людей в автобусе было соглядатаями Надзора Над Общественностью. Здесь, на «гражданке», они зверствуют не на шутку, следят за всеми неугодными. «Так что прогуляюсь-ка я пешком, целее буду, – весело ухмыльнулся Сурнай, – не известно, что на уме местных спецслужб. Они даже не по Уставу живут, не понятно, что и как делать. А по незнанию можно и вляпаться в неприятную ситуацию».

С этими мыслями товарищ Козинский шагал по пустеющему городку и примечал, что происходит вокруг. «Странное ощущение. Вроде из части выехал, а изменилось не так многое. Дома выше, да только сдается мне, что люди там не лучше живут, чем мы в казармах». Серые коробки девятиэтажек жадно облизывали мраком и холодом взгляд проходящего мимо Сурная. Ветхие подъезды, от которых за километр несло мочой, отлично сочетались с красными полотнами агитационных плакатов. Дома нависали над детской площадкой смердящим бетонным мешком. Людей не было. Дорога разбита, из-под развалившегося асфальта торчит куст с большими иголками. Что это за куст, Сурнай не знал, биологии в армии не обучают, но наверняка очень храбрый и безрассудный, раз решил вырасти посреди дороги.

Посреди Демиругии.

Сурнай шага не сбавил, стараясь пройти эти мрачные кварталы как можно скорее. Замызганный карцер, одиночная камера для целого народа немного грубо, но так точно отражает действительность.

Особенно хорошо в этот чудесный пейзаж вписывалась детская площадка. Карусель, намертво вкопанная в землю, качели в центре огромного грязевого озера и высокая горка без ступенек. Демиругия с детства приучала граждан к тому, что благое достается только с трудом. Правильный подход, ничего не скажешь.

Порыв ветра бросил под ноги Сурнаю какой-то листок. Он был измазан в уличной грязи, один угол будто оторван зубами. Но что-то заставило военного наклониться и поднять его. Желтая бумага выцвела, некоторые краски стерлись, но общий смысл был понятен. «ДОЛОЙ ВОЙНУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ», – гласила бывшая когда-то красной надпись. И длинные руки стаскивали отвратно нарисованного прапорщика с огромного стула. «Бред какой-то, – сказал вслух лейтенант Сурнай, – не знал бы про Надзор, подумал бы, что листовка каких-то... (Сурнай начал вспоминать слово, которое было убрано из лексикона Уставом) ...подпольщиков, – забытый термин наконец-то всплыл из глубин памяти, – только это невозможно. Очевидно,

что каким-то образом агенты Республики Кант смогли разбросать эти листовки. Грязные предатели не гнушаются пропаганды. Пропаганда – самое грязное оружие в войне. Демиругия вполне обходится без нее. Видать, кантийцы неверны своей стране, раз такое имеет место быть.

«Хорошо, что у нас не так. Каждый гражданин Демиругии верен Отчизне и без пропаганды. Лишь добровольная агитация, что идет только на пользу уму и духу».

Сурнай засунул листовку в карман, – «Гражданским такое видеть ни к чему. Выкину по дороге». Человек в серой одежде пошел дальше через лабиринт безрадостных бетонных стен. Через окна почти не пробивался свет, отчего город походил на призрак старого мира. Будто много лет назад люди покинули это место, не выдержав болота из тоски, одиночества и безысходности. Вместо штор на окнах висели одеяла или неровные куски старого линолеума.

Хоть так закрыться от окружающего мира, полного рамок и недозволенностей.

Сейчас осень, но вряд ли это место выглядит как-то иначе в остальные времена года. Деревья, похожие на стариков. Согнувшиеся, скрученные узлами и облепленные уродливыми наростами, они не радовали глаз. Первое, что приходило на ум при виде этих хилых кривых стволов, это то, как удобно будет крепить петлю. Высота самая подходящая. Однажды в обычной квартире такого вот дома нашли мужчину, который повесился на люстре. И не запомнился бы этот случай Сурнаю Козинскому, но было одно обстоятельство, выделившее эту историю из кучи баек с «гражданки» от его сослуживцев. Потолки в таких домах очень низкие, а прибавляя длину самой веревки, получаем пространство в полтора метра от пола до петли. Этот мужчина удавился, подогнув под себя ноги и держа их руками. Такая воля и впустую. Хотя, возможно, он выбрал самый эффективный способ побега от Надзора. На том свете достать человека им явно труднее.

* * *

Сурнай повернул за дом и вошел в арку. Еще пара унылых кварталов, и он, наконец, дойдет до своей цели. Довольно большая, в ней мог бы поместиться малогабаритный грузовик, арка утопала в вечернем сумраке. Молодой лейтенант дошел до половины и остановился. Что-то не так, и он чувствовал это. То ли ветер подул с другой стороны, то ли... тень. Мутная тень отлепилась от темного углубления в стене и еле заметно мелькнула на фоне скудного света. Однако и этого хватило тренированному военному. «Попался, – мелькнула первая мысль, – причем глупо. Хоть сто раз буду чист, все равно затаскают по кабинетам».

– Черт, – тихо ругнулся Сурнай, медленно поворачиваясь к человеку за спиной.

Сопrotивляться было бесполезно. В ННО работают исключительно спецы. По боевой подготовке они значительно превосходят обычных солдат, а за драку с уполномоченным лицом последует лишь ужесточение и без того сурового наказания.

– Это ты правильно делаешь, – раздался неожиданно хриплый прокуренный голос, – медленно и не дергайся, дядя, – он подумал и для надежности прибавил, – у меня заточка.

Сурнай повернулся уже гораздо смелее и удивленно уставился на невольного собеседника. Низкий коренастый мужичонка неопределенного возраста с надвинутой на глаза шапкой стоял, вальяжно покачивая в руке что-то блестящее. Ситуация резко изменилась. Теперь перед ним был не агент Надзора, а всего лишь бандит самого мелкого пошиба. Сурнай усмехнулся, – «Попался, но не я».

– Ты это, – теперь уже не так уверенно продолжал неудачливый грабитель, – за проход карманы выворачивай. А не то, – он немного запнулся, – шутить не буду, в общем.

– Ладно, – сказал Сурнай, – только не кипятись. Ты ведь с заточкой, я тебя боюсь. Сейчас все достану, только сам возьми, на землю же я деньги не кину.

Откровенного стеба горе-бандит не понял, а при упоминании купюр оживился, расправил плечи и вернул себе потраченную было уверенность. Он неспешно подошел к Сурнаю,

все время держа свой ножичек так, чтобы его было видно. То, что Сурнай стоит полубоком и поднял руки почему-то к нагрудным карманам, грабитель понял чересчур поздно. Вряд ли он уловил момент удара.

Сурнай резко выкинул правую руку, вкручивая бедро в мощный боковой. Голова коренастого нападающего дернулась влево. В этот же момент заряженной левой ногой лейтенант выбил оружие из руки противника и попытался ударить левой в голову. Попал кулаком точно в лоб. В глазах брызнули искры от внезапной боли. Тут планка холодного расчета вдруг упала, и Сурнай накинулся на врага. Методично работая обеими руками по голове и корпусу, он быстро опрокинул его на асфальт. На секунду боец задержался перевести дух, как в голове толкнулась неожиданная мысль: «Здесь нет судей. Нет свистка. Его жизнь в моих руках». Ошарашенный этим пониманием, Сурнай застыл над скулящим грабителем, пытающимся отползти от бешеного военного. «Сейчас я его превращу в отбивную, а он окажется благонадежным партийным деятелем. Меня же найдут». Все это промелькнуло в голове протрезвевшего Сурная моментально, и он отступил. Сам не понял, что именно заставило его оставить противника в покое, осознание своего физического превосходства или банальное опасение быть обвиненным, но он отступил. Пнул ногой оружие незадачливого грабителя. «Это же шило. Ну и цирк». И поспешил скрыться из злополучного прохода под жалостливый скулеж и плаксивые проклятья.

* * *

Для пущей верности Сурнай сделал пару кругов около места, к которому пришел. Несколько раз резко замирал и оглядывался. Всмотривался в темные окна, пытаясь различить хотя бы подобие человеческого силуэта. Вдалеке мелькали люди, похожие на тени. «Наш мир похож на театр теней, в котором финал пьесы еще не дописан», – всплыла в памяти Сурная фраза сослуживца. Тот вечно что-то писал в блокноте и частенько выдавал такие вот странные фразы. В них был спрятан особый смысл, который не всегда был доступен услышавшему ее человеку. Какая бы философия не скрывалась за этими словами, люди в этом городке с каждым визитом и правда все больше стали напоминать Сурнаю бесплотные тени. Они жались к своим норам, стараясь не выделяться, если были поодиночке. А в массе превращались в одно большое мутное пятно из серых и черных накидок, плащей и штормовых курток. Казалось, будто тени изучали новичка с «малой земли» своим взглядом отовсюду.

Но никто больше не следил за солдатом этим вечером.

Наконец, лейтенант Сурнай Козинский удостоверился в том, что по его душу более нет охотников, и постучал в неприметную дверцу условным стуком. Не зная заранее ее местоположения, можно было несколько раз пройти мимо, не заметив, особенно вечером. Никаких выступов, скоб и ручки не имелось. Спустя минуту дверь приоткрылась, пропуская лейтенанта внутрь, и снова слилась с окружающим пейзажем. Внутри стояла мягкая полутьма. От фиолетовых ламп исходил приглушенный свет, располагая к ненапряженной обстановке. Поэтому так резко выделялся верзила-охранник, своими габаритами напоминавший огромный шкаф. Он бесцеремонно прощупал мешковатую одежду вошедшего и молча кивнул в сторону уходящей в подвал лестницы. Сурнай скинул свой безразмерный капюшон и зашагал вниз по знакомому пути. Чем больше ступеней оставалось за его спиной, тем явственнее чувствовался сладкий синтетический запах фруктов. Приятные ароматы ласкали и обволакивали нежными теплыми потоками, призывая раствориться в них целиком, без всякого остатка. С каждым шагом очутиться у источника этих благовоний хотелось все больше. И Сурнай не пытался себя остановить. Один раз в месяц он мог перестать быть собой, перестать быть идеальным солдатом. Маленький бунт маленького человека.

Силар – легкий синтетический наркотик, не вызывающий зависимости или иных форм привыкания. Он не оказывает перманентных пагубных воздействий на человеческий организм.

Представляет собой одноразовый ингалятор с газообразным веществом в маленьком баллончике. Впрыскивается в рот. Учащает сердцебиение и выработку эндорфинов.

Спустившись к еще одной двери, Сурнай вдавил кнопку звонка. Запищал механизм открывания, лейтенант хотел было дернуть ручку, но дверь распахнулась сама. Из нее вышел поджарый человек в возрасте с коротко стриженной головой и грубыми чертами лица. Мельком взглянув на Сурная, незнакомец вдруг остановился и с широко раскрытыми глазами уставился на лейтенанта. Однако тот уже прошел мимо, захлопнув за собой тяжелую дверь.

* * *

Внутри было душно от сладких запахов. От высокой влажности на губах оставался пригорный сок.

– О-о, кажется, ко мне вновь пожаловал Ирбис, – букву «р» голос специально протянул подольше, – иди сюда, я рад тебя видеть, бритая голова, – говорящий сильно растягивал все слова, из-за чего его речь была очень долгой и мурлыкающей. Словно кот, он будто играл с тем, к кому обращался.

– Здравствуй, Затейник. Где ты? – Сурнай начал крутить головой. В помещении была почти полная тьма. Мягкая и дружелюбная, в противоположность ледяному мраку улиц.

– А вот и я, – последнюю букву он вновь сильно растянул и резко появился за спиной солдата, – дай-ка я тебя пощупаю, Ир-рбис, не поворачивайся, – с этими словами Затейник провел своей выбеленной ладонью по его голове.

– Представляешь, недавно пришел новенький и заявил, что мне, видимо, нравятся мужчины, – он продолжал водить рукой по голове и лицу Сурная, – от такой наглости я накачал его парой фирменных вкусняшек и бросил своим собачкам. Видел бы ты его гримасу. Эти минуты, когда его рвали на части, обратились в бесконечность. Я же не виноват, что не могу рассмотреть человека глазами? Не виноват ведь, Ирбис?

– Нет, Затейник, – Сурнай стоял прямо и смотрел перед собой, это он умел хорошо, если не лучше всех.

– Ты же понимаешь, что я знаю о тебе все? Вплоть до настоящего имени и места так называемой работы, – мурлыкнул ласковый голос.

– Да, Затейник, – мягкий игривый голос мог ненадолго ввести в заблуждение, но в нем был скрыт металл, подобно тому, как под полый шелкового халата в древности прятали клинок.

– Хорошо, – довольно протянул голос, принадлежащий, судя по всему, полноправному хозяину этого места.

Он убрал руку с головы Сурная и обошел его. На Затейнике был костюм шута, раскрашенный в дикие пестрые цвета, на голове несуразный колпак с золотыми бубенцами, похожий на разлапистый ядовитый куст. Мутные глаза его беспорядочно плавали в глубоких черных глазницах, не в силах уцепиться за что-либо взглядом. Лицо его было настолько бледно, что, казалось, он живет в этом подземном мире многие годы. Кожа была тонкой, словно рисовая бумага. Тронь, и она разлетится в стороны белыми хлопьями. Затейник был несуразно высок и оттого очень сильно горбился, нависая над лейтенантом. Худоба делала его похожим на уличный фонарь. Еще он напоминал те скрюченные деревья в безжизненных жилых кварталах города. Возможно, что ростом он был даже немного повыше.

– Ты пришел опять за тем же, мой Ирбис? – когда Затейник говорил, то водил в такт размеренным словам головой из стороны в сторону, – или хочешь чего-нибудь нового? – из-за длинной шеи временами он становился похожим на змея.

– За тем же, боюсь, на остальное у меня не будет средств. Как и всегда.

– Да-да. Ты снова сетуешь на расценки, а что поделатъ, мы живем в Демиругии. Хорошо, хорошо. Лежак, силар, девушки. Помню. Все это будет, милый дружок, иди за мной. Иди за мной и верь мне. Позволь стать твоим проводником во мраке, Ирбис.

* * *

В небольшой комнатке горел приглушенный свет, пахло силаром и ароматическими свечами. На подушках лежал переодевшийся Сурнай. По пушистому ковру были беспорядочно разбросаны пустые баллончики от силара. У изголовья солдата устроился, скрестив ноги, Затейник. Он что-то тихо, словно напевая сыну перед сном, говорил Сурнаю. Говорил и качал головой, отчего в комнатке стоял приятный тихий звон бубенцов с шутовского колпака. Вдруг занавески входа распахнулись, являя взору точеную женскую фигурку. Рука Затейника вложила в рот военного очередной ингалятор и вдавила спуск. Фруктовые пары устремились в легкие лейтенанта, расслабляя его и заставляя забыть. Забыть обо всем сразу. Лицо с невидящими глазами приблизилось к его уху и мягко зашептало.

– Ты молодец. Ты победитель. Вот он твой приз – воплощение самой красоты, – он убрал ингалятор, – так возьми же свою награду, – и тихо добавил, – сегодня можно все. Иногда можно себе позволить абсолютно все.

Затейник задернул за собой занавески комнаты и растворился во мраке, унося с собой звон бубенцов.

* * *

После каждого такого дня отдыха Сурнай Козинский возвращался в часть к подъему. Мирно спящее отделение вскакивало с постелей под зажженную спичку бодрого лейтенанта точно по расписанию. Этот раз не стал выдающимся исключением, и Сурнай продолжил жить жизнью верного до пузырей на губах вояки. Буднично и серо прошла очередная неделя службы. Опять обучающие фильмы, голос, читающий Устав из динамиков на улице, и бесконечные тренировки. Пожалуй, самым запоминающимся событием стали боевые учения с военной техникой. Нечасто обычных солдат допускали до отработки маневров с этими бронированными мастодонтами. Огромные, ревущие несколькими моторами, чадающие раскаленным дымом из выхлопных труб, они вселяли твердую уверенность в собственной неуязвимости. На поле боя танки, а они были основным ядром производимой техники, являлись укрепленными движущимися бастионами, подавляющими огонь противника. Они позволяли пехоте эффективно наступать, не теряя под кинжальным огнем две трети личного состава. К сожалению, на этом плюсы демиругийских танков заканчивались. Из-за многослойной брони на каждом квадратном сантиметре масса боевых машин колоссальна. Поэтому даже пяти мощных двигателей не хватает для обеспечения хоть сколько-нибудь приемлемой скорости движения. Топлива на этих монстров уходит немерено, так что обслуживание и производство машин обходится Демиругии в круглую сумму ежегодно. Но если уж на внутреннее благоустройство страны средства не тратятся, то почему бы не выбрасывать их на танки?

Зрелище наступления всегда захватывало дух у Сурная. Бравая пехота, невзирая на грязь, дождь и раскаты холостых зарядов «противника», ползет вперед под прикрытием боевых машин. Многоэтажные танки с десантом на бортах упрямо месят гусеничными траками глину и без перерыва грохочут всеми орудиями. Стволы направленных в разные стороны пушек посылают убойные снаряды, крупнокалиберные пулеметы лохматят ростовые мишени врагов впереди, а укрепленные на носу огнеметы заливают окопы жидким напалмом. Кантийцы даже не подозревают, насколько страшно оружие Возмездия. За все нужно платить, и Республика Кант заплатит за свое предательство Демиругии.

Довольно часто на подобных боевых учениях сновали в опасной близости от разъяренных бронемашин видеооператоры. Они записывали все фрагментами, крупными планами, фокусируясь на определенном процессе, а не на действии в целом. Отснятый материал нарезался и склеивался в полноценные киноленты. Так, граждане Демиругии в добровольно-принудительном порядке, по настоятельному совету агитационных листовок два часа смаковали в общих кинотеатрах мощные траки танков, месящих грязь, тяжелые сапоги солдат, оставляющие за собой глубокие следы и выстрелы. Много выстрелов, целая симфония нового мира, находящая отклик в душах и сердцах его жителей. Два часа грохотание крупнокалиберных пулеметов, противотанковых орудий и автоматических винтовок наполняло зрителей гордостью за свою великую и непобедимую Родину. После просмотра число добровольцев-призывников, как и волонтеров по работе над агитационными материалами, резко возрастало. О, этот чудесный момент общего душевного порыва. Разве не прекрасно, что столько людей забывают о своих проблемах и объединяются друг с другом. Когда есть, куда идти, и видна четкая цель на горизонте, становится уже не до размышлений о том, что вокруг все не так уж и радужно.

* * *

Лейтенанта Сурная Козинского в очередной раз вызвали к начальству. Такое случалось часто, Сурную отдавали приказы, обрисовывали положение дел, если это требовалось для донесения до солдат. Поэтому, скомандовав «Отбой» отделению, молодой лейтенант со спокойной душой отгладил форму, оделся и вышел на крыльцо. Приказано было явиться к половине двенадцатого, а полуокружности хронометра показывали еще лишь одиннадцать часов. Грех не подышать свежим воздухом, если выпадает такая возможность. Осенние ветры начинали приносить легкий мороз, дело близилось к зиме. Скоро солдаты перестанут перемешивать ногами слякоть, холод подсушит ее до состояния твердой глины. Температура будет привычно опускаться до минус семидесяти по Фаренгейту, но не ниже.

Ночная прохлада приятно бодрила и вносила ясность в мысли. В такие моменты Сурную хотелось думать о чем-то важном и великом, поэтому все его размышления вновь занимала Демиругия. В старости он будет с гордостью рассказывать о лучших годах его жизни, проведенных в армии. Вокруг будут сидеть его родственники, не познавшие всех радостей и трудностей службы, и будут с трепетом слушать его истории. Всех их будет объединять верность своей стране.

Постояв немного на крыльце казармы его отделения, погрузившись в мечты о будущем, Сурнай заглянул обратно. Бросив взгляд на настенный хронометр, он направился в командный пункт.

* * *

Перед дверью кабинета стоял, вытянув руки по швам, солдат в парадной военной форме. «Странно, – по спине Сурная пробежал нехороший морозец, – раз он так вырядился, значит, внутри кто-то из высшего командирского состава. Для чего обычного лейтенанта могут вызвать на ковер к высокопоставленному офицеру?» Рой беспокойных опасений лейтенант постарался пресечь. – «Может, все-таки повышение? А что, я вполне могу претендовать». Так как служил лейтенант уже долго и усердно, во всем следовал Уставу и беспрекословно подчинялся приказам, репутация у него должна была быть отличной. Кого, как ни его, можно повысить. И вызывают ночью, чтобы лично отблагодарить за службу. «Может даже, если совсем повезет, наградят», – допустил он совсем уж смелую мысль. Все было вполне логично и обоснованно, и напрасные волнения улетучились, как дым на ветру. К кабинету Сурнай подошел уже твердым шагом с легкой улыбкой, почти не сомневающийся в собственной победе. Он даже по-

дружески ухмыльнулся солдату, когда тот открыл перед ним дверь. Но ответили ему холодом и каменным спокойствием. Дверь за спиной лейтенанта Козинского закрыл уже другой человек в нестандартной черной униформе.

В кабинете было довольно темно, из освещения была лишь мощная настольная лампа, за которой сидел незнакомый Сурнаю человек, судя по погонам, майор. Лейтенант вытянулся, задрал голову и гаркнул заученную фразу:

– Здравия желаю, товарищ майор.

Эта фраза прозвучала в полнейшей тишине, и та же тишина воцарилась после ее произнесения. В воздухе повисла долгая пауза, и создалось впечатление, что обычное воинское приветствие старшего по званию было неуместным в данной ситуации. Но на помощь сомнениям солдату всегда приходит Устав, поэтому Сурнай стоял молча, не опуская глаз, как того требовали правила.

– Товарищ Козинский. Лейтенант, – протянул незнакомый майор, словно взвешивая каждое слово.

– Так точно, товарищ майор.

– Усердно служишь, лейтенант, – военный говорил медленно, перелистывая страницы личного дела Сурная, которое достал из-под стола, – сослуживцы, правда, тебя не особо любят, но кто из солдат любит своего командира.

Сурнай молча слушал и гадал, что же будет дальше. На торжественное награждение это становилось похоже все меньше.

– Верен Родине, не злоупотребляешь свободным временем, используешь его для тренировок. Все так, Козинский?

– Так точно, товарищ майор. Служу Демиругии!

– Молодец. Образец для солдата. Гордость нашей армии. Таких, как ты, мы и стараемся выращивать здесь, – майор встал и начал медленно ходить вокруг застывшего лейтенанта. – Идеальное личное дело. Нам его дали твои командиры. Они, знаешь ли, очень тобой довольны. Представляешь, что ты должен был получить в скором времени, Козинский?

– Никак нет, товарищ майор.

– Ну как же, догадываешься, наверное. Звание младшего сержанта. Листая ту папку на столе, я бы сам тебя даже наградил за столь большие успехи. Так отдаваться службе... Похвально, – майор остановился у стола и посмотрел на Сурная в упор, – не устаешь, может, отдыхаешь как?

– Никак нет, товарищ майор, – у Сурная появилось очень нехорошее предчувствие.

– Ты ведь знаешь Устав, лейтенант. Там четко написано, что обман и ложь своему командиру приравниваются к измене Родине. А знаешь, как я узнал о твоём маленьком секрете? О твоих поездках в незаконный бордель каждый месяц? У меня есть еще одна папка. Тоже твоё личное дело, и вот там не все так хорошо, – майор хлопнул толстую папку на стол, из которой торчали многочисленные фотографии.

– Погляди, – с этими словами он вытащил стопку фотографий и начал показывать их Сурнаю по одной. Вот он передевается из военной формы в обычную одежду, вот сцепился с кем-то в проходе, а вот лежит с ингалятором силара в кабинке Затейника.

– Тебя сдали, Козинский. Все.

Внутри Сурная все оборвалось. Колени мелко задрожали, пальцы неконтролируемо затряслись. Они все узнали. Это измена. Трибунал и смертная казнь через расстрел. Конец всему, годы такой упорной службы обратились в прах из-за такой естественной слабости. Молодой лейтенант стоял прямо, а внутри уже готовился к смерти. Никто это не афишировал, но слухи о казнях доходили. Расстрел был самым гуманным способом из всех услышанных. Впервые в жизни Сурнаю стало по-настоящему страшно. Он подвел свою Родину, и за это его ждала справедливая кара.

– Включите свет, – скомандовал майор солдатам за спиной лейтенанта. На потолке зажглись лампы, и Сурнай увидел, как в углу сидит с блокнотом человек в черном камуфляже. У него была массивная фигура, морщинистое, но волевое и, словно грубо вырубленное из камня, лицо. Оно сразу всплыло в памяти Сурная, хоть он и видел его лишь мельком. Это был тот самый человек, который вышел от Затейника в тот вечер.

– За государственную измену Родине я могу отдать вас под трибунал, Козинский, – продолжал майор, – там вам вынесут смертный приговор. На этом ваша мелочная и подлая жизнь бы окончилась. Но у этого человека есть к вам предложение, – на этих словах сидящий до этого молча человек со звездами полковника на нестандартной форме поднялся.

– Значит так, лейтенант. Ситуация у тебя безвыходная, прямо скажем. Такое у нас не прощается и с рук просто так не сходит. Однако у тебя есть шанс аннулировать свое второе досье и послужить на благо Отечества. В случае полного успеха ты будешь представлен к наградам, и тебе будет обеспечено продвижение по службе. Звания ты тоже не потеряешь. У тебя будет непростая задача, но это твой единственный билет в жизнь.

– Товарищ полковник, – твердо заявил лейтенант Сурнай, – я согласен.

– О подробностях твоей задачи тебя уведомят позже, – полковник кивнул солдатам, и они вышли вместе с лейтенантом из кабинета.

К сожалению, идеальная система не может состоять из неидеальных людей. Так правильно, но и так зря сказали когда-то.

Глава III

Сурная Козинского привели в большое помещение кинозала. Ряды стульев пустовали в этот поздний час, а проектор светил белым светом на стену, не транслируя фильмы. Повернув тяжелый рубильник электроэнергии, один из сопровождавших его солдат сказал:

– Тебе приказано оставаться здесь и ждать, – после этих слов они оба повернулись и вышли, оставив молодого лейтенанта одного в залитом светом помещении.

«Сколько ждать? Кого?» – эти вопросы без ответов сразу же возникли в голове Сурная.

«А может, попробовать вырваться? – возникла шальная мысль, – авось в темноте и проскользну. А там в город, затеряюсь, не найдут». На какой-то момент перспектива удачного побега от лап не совсем справедливого суда и сомнительной сделки взбудоражила лейтенанта.

«Дверь не заперта, охрана ушла. Это ведь шанс!» – Сурнай нервно щелкнул костяшками пальцев.

«Нет. Проверка это, как пить дать. Сбегу, тогда точно не оправдаться. Да и виноват я. А раз могу послужить стране, то нельзя бежать. Что моя жизнь в сравнении с будущим Демиругии», – Сурнай расслабился. Когда бесповоротно принял решение, большая часть волнений отпадает, и становится гораздо легче. Он отдаст долг Отечеству и искупит свою вину.

Дверь в кинозал распахнулась, и в нее бодро вошел очередной незнакомый Сурнаю боец с папкой в руках. Хоть он и служил долго, но, как оказалось, в части было много людей, с которыми он не сталкивался ни разу. Лейтенант встал и отдал честь.

– Вольно, солдат. Сядь, я введу тебя в курс дела, – вошедший вытащил несколько карточек со слайдами и начал вставлять их в проектор.

Он был в обычной полевой форме. И ничем, кроме бравого вида, он не выделялся бы, если бы не носил гусарских усов, которых постоянно легко касался пальцами.

– Значит так, прежде всего, распишись здесь. Это письменное согласие, подтверждающее твое участие.

– Знать бы еще в чем. Что за бюрократия, – тихо пробурчал Сурнай, расписываясь в документе.

– Итак, начнем, – подписанный документ отправился обратно в папку. – Как всем известно, с Республикой Кант на всех фронтах нет какого-либо прогресса. В течение многих лет линию фронта не удастся передвинуть за пределы горного Хребта. Положение осложняется тем, что в первые годы войны, когда боевые действия велись активно, использовались самые разрушительные виды вооружений. В горах существовало несколько проходов. Некоторые были естественными, некоторые – прорубленными специально. Когда кантийцы начали внезапные атаки на Демиругию, наша военная машина не была готова к отражению полномасштабного вторжения врага. Исходя из тактических расчетов и моделирований возможных вариантов развития событий, было принято решение о задержке войск противника в горах. По Хребту были нанесены ракетные удары, и большинство проходов было завалено, либо на многие десятилетия заражены радиацией. Этот смелый шаг нашего Военного Комиссариата позволил замедлить наступление и собрать силы Демиругии в кулак. Однако после того как наступающие силы врага были подавлены, продолжить наступление мы не смогли по тем же причинам – проходы были заблокированы. Спустя время был разработан план по расчистке завалов путем подрыва сейсмических зарядов средних мощностей направленного действия. Но к моменту, когда стало возможным осуществление этой операции, Республика Кант совершила прорыв в сфере оборонительных технологий. Помимо обычных минных полей, систем ПВО и ПРО, где-то в горах были установлены средства РЭБ блокады и ЭМИ-генераторы. По этим причинам связь с основными силами вблизи Хребта стала невозможной, как и функционирование сложной электроники.

– Так что от меня-то требуется, – нетерпеливо спросил Сурнай. В большей мере он и сам все это знал.

– Этот экскурс в историю нашей Родины, товарищ Козинский, – раздраженно продолжил солдат, – напрямую связан с поставленной вам боевой задачей. Мы нашли способ связаться с вышками связи, но это можно сделать лишь на самом примитивном уровне. То есть отправить короткий радиосигнал, который трудно перехватить. По нему легко запеленговать отправителя.

Солдат повернул с щелчком рычажок на проекторе, и на стене появилась фотография горной гряды, сделанная с большой высоты.

– Это фотография была сделана максимально близко к Хребту нашим пилотом. Через сорок шесть секунд он был сбит системами воздушной обороны кантийцев, но успел передать нам этот кадр. Это был настоящий триумф, ведь до этого таких снимков у нас не было. С его помощью мы нашли средний по размерам проход в горах, который может преодолеть наша военная техника.

– Подождите, вы сказали, что электроника не может функционировать в горах из-за радиоэлектронной блокады. А наши танки начинены электроникой под завязку.

– Внутри танков находятся новейшие средства защиты от ЭМИ и РЭБ атак, – с гордостью ответил солдат, – продолжим. Кадр весьма нечеткий, и точные координаты местоположения прохода определить не удалось. Провести разведку с применением техники нет возможности, на легкобронированных транспортерах все еще нет должной ЭМИ защиты.

– А как же танки? На них же все это установлено, – спросил Сурнай.

– А сами подумайте, Козинский. С какой скоростью будет идти разведка, если использовать танки? Это притом, что как только наша крупная техника появляется на радарх врага, по местности наносятся массированные ракетные удары. Под таким огнем машины сгорят еще до обнаружения нужной точки. Статисты в штабе разработали план, согласно которому есть возможность провести разведку незаметно. Дело в том, что радары противника настроены на обнаружение крупных образцов техники, но малый отряд они не заметят. Вести, охранять и контролировать такой отряд вам и предстоит, товарищ Козинский.

– Мне предстоит провести небольшой отряд военных туда, где гибнет лучшая техника, не работают рации и сбивают самолеты?

– Небольшая поправка. Мы хотим сохранить наивысший режим секретности, поэтому вы поведете отряд, состоящий из государственных заключенных. Они не представляют опасности, но с ними шансы пострадать от случайных факторов сильно снижаются.

– От каких еще факторов? Почему на военную операцию я должен вести обычных людей, к тому же еще и неблагонадежных? – вскипел Сурнай.

– Да вот провалитесь вы куда-то, кому-то придется вас вытаскивать. Арестанты после завершения операции получают лишь сокращение тюремного срока, так что ненужных нам настроений среди гражданского населения они не посеют. А вы подписали документ о неразглашении государственной тайны. И к слову о благонадежности – вас, как я понимаю, товарищ Козинский, не за примерную службу сюда отправили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.